

С е к ц и я «Права человека в общественном мнении: ключевые факторы и болевые точки»

Огромное количество вопросов, накопившееся у правозащитного сообщества по поводу собственной эффективности, споры вокруг приоритетов, осознание и оценка возникших за последние несколько лет проблем, требовали организовать и обязательно включить в работу конференции отдельную тематическую секцию. Такое обсуждение было необходимым для того, чтобы положить начало разработке эффективных действий по повышению толерантности и доверия к правозащитной идее и самой деятельности гражданских НПО.

По инициативе Института прав человека, ответственного за работу секции «Отношение к правам человека в современной России: ключевые факторы и болевые точки», было проведено социологическое исследование, призванное ответить на ряд взаимосвязанных вопросов. Во-первых, действительно ли наступило «разочарование в идеях прав человека», их «маргинализация», или исходно приоритетен был не конкретный комплекс либеральных принципов и идей, а нечто совсем другое. Например, не слишком отчетливое желание «быть как на Западе», «быть как весь мир», своеобразный «карго-культ», который уступил место общему разочарованию в возможности быстро достигнуть экономических и социальных стандартов развитых стран.

Не менее важной была задача разобраться, не были ли исходно «права человека» не слишком четко определенной идеологемой, которая, как и большинство других идеологем, поддерживалась лишь специфическим «устройством» такого российского историко-социального образования, как «интеллигенция».

Опыт многих стран не оставляет сомнений в том, что наивысший уровень мобилизации общественной активности не может сохраняться в течение длительного времени. Представлялось нужным выяснить основу гражданского мобилизационного потенциала россиян. И в том числе необходимо было ответить на вопрос, насколько связаны разочарование в идеях прав человека и деполитизация, возвращение в частную жизнь, всего того, что ставит под угрозу демократическую консолидацию.

Как соотносятся друг с другом либеральные и социал-демократические принципы, лежащие в основе защиты гражданских и политических и социально-экономических прав? Что сегодня целесообразнее: подчеркивать единство этих двух групп прав и важность общего единого правозащитного подхода или, для завоевания большей популярности, акцентировать внимание на «социально-эконо-

мической составляющей» прав человека, не привлекая чрезмерного внимания к проблемам личных, гражданских и политических прав и свобод, не интересующих широкие круги?

Основные тезисы проведенного исследования были представлены участникам секции. Само исследование было разработано и осуществлено Центром «Демос».

Участники секции:

1. Аверкиев Игорь, Пермская Гражданская палата, г. Пермь;
2. Бахмин Вячеслав, Московская Хельсинкская группа, г. Москва;
3. Бехтольд Александр, движение «За права человека», г. Хабаровск;
4. Блем Андрей, правозащитная организация «Бастион», Алтайский край, г. Барнаул;
5. Вахнина Людмила, «Мемориал», г. Москва;
6. Гефтер Валентин, Институт прав человека, г. Москва;
7. Гольдман Марк, Липецкое общество прав человека, Липецкая область;
8. Громова Виктория, Молодежная правозащитная группа «Система координат», г. Владимир;
9. Гурский Виктор, Нижегородское общество прав человека, г. Нижний Новгород;
10. Джибладзе Юрий, Центр демократии и прав человека, г. Москва;
11. Исаев Сергей, Пермский региональный правозащитный центр, Пермская область, г. Пермь;
12. Кожевникова Галина, информационный центр «Сова», г. Москва;
13. Коротяев Алексей, Международная лига прав человека, Швейцария, г. Женева;
14. Котляр Татьяна, правозащитник, депутат областной думы, Калужская область, г. Обнинск;
15. Левинсон Лев, Институт прав человека, г. Москва;
16. Лукашевский Сергей, Центр «Демос», г. Москва;
17. Миронов Александр, «Мемориал», г. Братск, Иркутская область;
18. Никитина Анастасия, Молодежное правозащитное движение, г. Воронеж;
19. Новикова Асмик, Центр «Демос», г. Москва;
20. Петранов Борислав, юрист-эксперт по международным механизмам по правам человека, г. Москва;
21. Подузов Сергей, общественная организация «Человек и закон», Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола;
22. Пономарев Лев, движение «За права человека», г. Москва;
23. Потнин Константин, общественный фонд «Международный стандарт», Республика Башкортостан;
24. Резниченко Леонид, Институт прав человека, г. Москва;
25. Сабуров Евгений, фонд «Народная Ассамблея», г. Москва;
26. Таубина Наталья, фонд «Общественный вердикт», г. Москва;

27. Тименчик Михаил, фонд «Точка опоры», г. Москва;
28. Череватенко Валентина, Союз женщин Дона, Ростовская область, г. Новочеркасск;
29. Шарипова Валентина, Тверской «Мемориал», г. Тверь;
30. Шепелева Ольга, Центр «Демос», г. Москва.

Представление результатов социологического исследования «Положение в обществе современного правозащитного сообщества и его идей»

Асмик Новикова, Центр «Демос», г. Москва

В предлагаемом материале представлены основные тезисы по результатам социологического исследования «Положение в обществе современного правозащитного сообщества и его идей». Проект реализовывался Центром «Демос» по заказу Института прав человека при поддержке фонда «Общественный вердикт».

Это социологическое исследование использовало качественные методы сбора и анализа информации. Соответственно и итоговый текст, и тезисы нужно воспринимать именно как текст, подготовленный с помощью информации, собранной качественными методами. Это значит, что мы не претендуем на репрезентативность и полный охват проблем. Этого невозможно добиться с помощью качественных методов социологии. Более того, это означает, что данное исследование носит диагностический характер. И ясно, что в дальнейшем потребуются продолжение исследовательской работы в этом направлении.

Когда я готовила эти тезисы, мне хотелось обозначить основные проблемы, свести к минимуму описательную часть, с тем чтобы здесь у нас получилась дискуссия. Тем не менее, документ все равно получился большой.

Первое, что необходимо отметить, когда мы говорим о положении правозащиты и правозащитных идей, это то, что все суждения – как респондентов (обывателей), так и экспертов, которые не относятся в правозащитному сообществу, – основаны на очень скудной информации. Причем, это не значит, что эта информация отсутствует в принципе.

Эксперты, которые до этого были известны тем, что комментировали современное состояние правозащиты, в действительности демонстрируют невысокий уровень осведомленности о конкретной работе правозащитных организаций и оперируют мифологемами. Обыватели в целом говорят об отсутствии информации о современных правозащитных организациях как об основной проблеме. Им вообще ничего не известно. И они очень хотели бы эту информацию иметь. По крайней мере, они декларируют это желание. Неизвестно, насколько такой запрос может быть реализован.

Но пока еще одной из базовых проблем остается отсутствие информации. При этом, даже если известно, где взять информацию, то «неправозащитные» эксперты не стремятся этого делать, а продолжают использовать мифологемы.

Базовые ассоциации, которые возникают у общества — у экспертов и у обывателей: правозащитное сообщество — это диссидентство. На мой взгляд, это очень важный для нас вывод. Потому что я ожидала, что, по крайней мере, эксперты будут осведомлены о большем разнообразии фигур. Я перечисляю в отчете, кого упоминают эксперты в своих интервью и кого упоминают обыватели. В целом, базовая ассоциация — это диссидентское движение. Здесь важно, что эта ассоциация задает очень высокие стандарты к личностным качествам правозащитника. Потому что это тот образ правозащитника, который основан на сведениях о диссидентском движении.

Если говорить о моделях современного правозащитника, то условно их можно разделить на две: это борец и профессионал. Что касается борца — это трансляция диссидентского опыта на сегодняшний день. Это та модель, которая насыщена качествами очень высокой морали.

Что касается профессионала, то это, скорее, функциональное определение. Здесь респонденты обращают внимание на те сферы деятельности, которые должны быть, и на то, как этим следует заниматься. Кстати, некоторые замечания вполне верны.

И эксперты, и обыватели в той или иной степени являются носителями таких образов. Переход от модели «борец» к модели «профессионал» происходит очень медленно. И что здесь наблюдается. Модель «профессионал» характерна для значительной части общества: это молодежь и те, кто был молодым в начале демократизации. То есть это те люди, которые, скажем так, не владеют информацией о диссидентской деятельности, у них нет такого образа правозащиты, как диссидентство. Поэтому, когда они слышат вербальную конструкцию «правозащитник» и «правозащитная организация», то их суждения — это исключительно реакция на эту вербальную конструкцию в силу уже упоминавшейся мною проблемы отсутствия у них информации. Тем не менее реакция исключительно позитивная. И это важно запомнить. Потому что пропагандистские кампании, о которых уже сегодня говорилось на конференции, судя по результатам этого исследования, не возымели никакого эффекта на обывателей. У них базовая позитивная реакция на правозащиту.

Следующее, о чем я хочу сказать, — оценка современных правозащитных организаций. Основная заслуга правозащитных организаций, по мнению экспертов-неправозащитников, — это то, что они есть. То есть значимость присутствия этого сектора разделяется экспертами, которые не сильно дружелюбны и не особенно идеологически совместимы с правозащитным сообществом. Эксперты — это люди, которые интересуются происходящим в стране и в обществе, они комментаторы этой действительности, имеющие различную профессиональную биографию, единодушны в том, что значение правозащитников — как минимум, быть. Вне зависимости от того, что конкретно они делали и в чем состоит их деятельность. Вместе с тем, это означает, что люди совершенно не осведомлены о конкретной работе правозащитников. Они не могут ее оценить. Это также связано с дефицитом информации о повседневной, обычной, конкретной работе правозащитных организаций.

Тем не менее информационный дефицит спровоцировал диапазон негативных оценок правозащитной деятельности. Почему это произошло? Точка зрения такая: раз информации нет – значит, не о чем рассказывать, значит, вы существуете сами для себя. Так говорят эксперты. То есть, если бы были результаты, то мы бы о них знали. Другой вопрос, что не было интереса об этих результатах узнать. Но в целом негативизм обусловлен именно тем, что у людей нет информации.

Мне кажется, было бы неверным игнорировать эти причины отказа правозащитникам в эффективности. Потому что одновременно это является и проблемой самого правозащитного сообщества. Одна причина очень общая и, в принципе, внешняя по отношению к правозащитному сообществу – это дискредитация демократических ценностей. Дело в том, что правозащитники транслировали свои идеи в пакете с демократическими. Соответственно девальвация демократических ценностей потянула за собой девальвацию правозащитных ценностей.

Другие причины – внутренние, в отчете они сгруппированы следующим образом. Сначала перечислены проблемы с точки зрения опрошенных правозащитников. Дальше – проблемы, на которые указывают неправозащитные эксперты. Далее – проблемы (указана одна проблема) с точки зрения обывателей. (См. Материалы секции.)

Несколько слов по поводу профессионализации правозащитного сообщества и почему некоторые эксперты говорят о ней как о проблеме. Современная ситуация такова, что правозащитное сообщество еще до конца четко не структурировано и связи между различного рода организациями внутри сообщества не отлажены. В целом это создает проблему взаимодействия внутри правозащитного сообщества. Что касается профессионализма и компетентности, то я процитирую правозащитника, работающего в профильной правозащитной организации: «Деятельность правозащитников должна быть профессиональна и опираться на юридическую базу. Без этого деятельность бессмысленна. Те времена, когда выходил неграмотный человек и на суде пытался что-то выкрикивать, устраивать из суда шоу, те времена должны отойти в прошлое». Помимо очевидной важности всех этих требований, повышение профессионализма, в том числе в методах работы с властью и СМИ, является условием повышения социального статуса правозащитного сообщества и превращения правозащитников в партнеров и конструктивных оппонентов власти. В тех субъектов, которые будут все-рез восприниматься окружающим миром.

Далее, проблемы с точки зрения экспертов внешних. Односторонность. Это известный упрек в том, что правозащитники придерживаются односторонней политики, политики двойных стандартов. Эта проблема наиболее четко проявляется в связи с работой правозащитников в Чечне. Их обвиняют в том, что они не обращают столько же внимания на нарушение прав не-чеченцев.

Мне кажется, что здесь кроется та внутренняя проблема, с которой нам надо будет работать. Эта проблема в том, что чеченцам отказывают в праве называться уязвимой группой. Это важно, потому что те же самые не-правозащитные эксперты говорят, что правозащитники мало работают с уязвимыми группами, имея в виду исключительно те уязвимые группы, которые таковыми являются по определению. Это дети, женщины, призывники и заключенные. Заключенные в

силу, видимо, советского опыта, то есть у нас свое отношение к заключенным. Значит: дети, женщины, призывники и заключенные — с ними надо много работать. А вот этнические сообщества, более узко — чеченцы, физически больные люди, бездомные, — это как бы неуязвимые группы, и этим не нужно заниматься. То есть это нечто, что не слишком нужно для благодати всего общества. Извините, конечно.

Следующий упрек — западное финансирование. Эксперты, которые не относятся к правозащитному сообществу, придерживаются мифа, что репутация правозащитников резко возрастет и будет очень хорошей, если хотя бы половина финансирования будет отечественного происхождения. В каком-то смысле это верно. Но с точки зрения обывателей источники финансирования не имеют никакого значения. Для них важно, чтобы было понятно, чем занимаются правозащитники, чтобы эта помощь была конкретной, доходила до них и чтобы в конечном итоге правозащитная деятельность работала на общее благо. И в связи с этим они не считают важным вопрос происхождения финансирования.

Следующая проблема, с точки зрения внешних экспертов, — это критика государства вместо обращения к гражданину. Речь идет о том, что правозащитники фокусируют свое внимание на критике государства как такового. А требуется, с точки зрения экспертов, более конкретная критика, соответственно более конструктивная, критика конкретной политики или конкретных действий власти. И что очень важно, эта критика должна быть направлена не только на действия властей, она должна ставить во главу угла интересы гражданина. Риторика должна быть обращена к гражданину.

Отсутствие видимых результатов. Это, действительно, проблема правозащитного сообщества, потому что необходимо работать над тем, чтобы транслировать позитивный опыт правозащитной деятельности, позитивный опыт гражданина, который предпринимает действия по правовому отстаиванию своих прав.

Следующая проблема — политизированность. Она смежна с тем, что критика правозащитников обращена в первую очередь к государству. Это неизбежно приводит к тому, что риторика становится политизированной и политической. Здесь возникает подозрение, что правозащитники стараются сделать карьеру в будущем именно как политики. И это не нравится. Потому что это идет вразрез с одним из образов правозащитника, который пока еще остается, — это образ диссидента.

Меркантилизм. Правозащитникам отказывают в легитимности, потому что говорят: да, в правозащитных организациях есть люди-альтруисты, но в основном, большей частью, это люди, которые туда идут из карьерных, прагматических соображений. Цитата: «Есть люди альтруисты, но большинство меркантильно, работают для получения грантов. Поэтому эффект не слишком велик. Мало альтруизма». Смежная с этим проблема — оплата труда и привилегии. Проблема в том, что наблюдатели, внешние по отношению к сообществу, говорят, что работа в правозащитных организациях в начале 1990-х гг. и позже была слишком заманчивой. Настолько заманчивой, что люди соглашались работать даже в ущерб другим личным интересам. Эта работа приводила к существенному росту личного благосостояния и символического капитала. Именно символического, который потом использовался для других целей. Это то, чего, с точки зрения вне-

шних экспертов, не должно быть, потому что это идет вразрез с моделью «борец» и плохо совместимо с ролью правозащитника.

Следующий упрек – профессиональная беспомощность. Эксперты отмечают недостаток профессионализма у правозащитников и считают, что правозащитники находят себе оправдание в том, что воодушевляются от благих целей своей работы и не важно, в общем-то, как это сделано. Цитата: «У нас благородная задача, а тут заусенец какой-то». Это сказал эксперт, известный публицист, профессиональный лингвист.

Обыватели в первую очередь сетуют на то, что им практически ничего не известно о современных правозащитных организациях. Можно выделить следующие мифологические типы. (Я часто употребляю слово «мифологический», потому что все суждения людей основаны на очень фрагментарной, несистематической информации. Поэтому говорить о какой-то ясной картине не приходится.)

У обывателей существует устойчивый миф, что правозащитная организация – это государственная структура. Они очень быстро об этом начинают говорить, даже не имея никакой информации. С их точки зрения, если организация защищает права, значит, это государственная структура. Кстати, это отчасти объясняет, почему для них не важно, откуда берутся деньги на работу правозащитных организаций. У них автоматически срабатывает представление, что это государственная структура – значит, от налогов они и существуют, у них бюджетное финансирование.

Следующий тип – это юридическая «скорая помощь». Исходя из такого представления, правозащитные организации подменяются бесплатными юридическими конторами. Разница только в том, что граждане просто не допускают мысли, что им могут отказать в такой правозащитной организации. И не допускают мысли, что с них могут взять за это деньги. Одна респондентка с большим возмущением рассказывала, что в одной правозащитной организации за консультацию попросили 250 рублей. Она считает это вопиющим.

Еще один тип организации, с точки зрения обывателей, – это сообщество людей, имеющих диссидентский опыт (имеется в виду не личный, а опыт восприятия), это борцы за нравственность и справедливость. То есть правозащитные организации созданы для того, чтобы исчезнуть в борьбе за справедливость, высокие принципы и народ.

Также интересно, какие именно упоминались организации. Эксперты-неправозащитники знают «Мемориал», Московскую Хельсинкскую группу, Комитет солдатских матерей. Единожды упоминались «Нет алкоголизму и наркомании», «Гражданское содействие», «Защита детства и материнства». Это все. А у обывателей – кто-то из них с трудом вспомнил «Мемориал».

Несколько слов об отношении к закону и праву у граждан. Я буду сейчас говорить про обывателей. Главная проблема – у обывателя нет глубокого представления о своих правах как таковых. И нет осознания ценности прав и свобод. Если же обыватели говорят о своих правах, то они говорят о конкретной, очень личной ситуации. То есть что такое права, с их точки зрения? Это всегда что-то очень личностное, индивидуальное. Они не говорят о правах как об общих ценностях. Это проблема того, что в нашем обществе отсутствуют ценности осознанного коллективизма. В представлении наших граждан права – это то, что им

надо, что им интересно, и то, что они считают верным в конкретной ситуации. Очевидно, что для обывателей, и эксперты также указывают на это, наиболее важны социально-экономические права и права, связанные с безопасностью, правом на жизнь. Тем не менее стоит отметить, что у молодежи актуализированы гражданские права.

Права — это то, что человеку обязаны предоставить, то есть граждане по отношению к своим правам находятся в пассивном ожидании благ от государства, так как права часто ассоциируются с обязанностями государства по отношению к гражданам.

Что касается законов, то знание законов подменяется знанием о правоприменительной практике. В то же время граждане часто начинают самостоятельно изучать законы и в целом могут преуспеть, но в реальности они один миф заменяют другим, который они сами для себя создают, изучая законы. У них нет юридической системы в голове. Что касается декларирования гражданами желаний повышать свою правовую грамотность, то, на мой взгляд, это все-таки действительно декларация, потому что они, особенно молодежь, составляют основную базу неправовых способов решения своих проблем. Если они и хотят знать законы, то только для того, чтобы более грамотно решать свои проблемы другими способами. Вот, например, очень точная цитата, это говорит продавец-консультант: «Мне так проще, мне так дешевле, я и не думаю делать по правилам».

Теперь я обращусь к мобилизационному потенциалу правозащитной идеологии. Можно сказать, что этот потенциал достаточно высок. Но для того, чтобы он стал реальностью, нужно работать в двух очень больших и значимых направлениях. В первую очередь — это изменение риторики. Измененная риторика сможет правильнее мобилизовать граждан и актуализирует их на гражданские действия.

То, о чем часто говорят граждане, имеют очень большое правозащитное содержание. Но они не соотносят это с идеями прав человека. Это одна из базовых проблем. Они не оперируют ценностями прав человека, но при этом говорят о правозащитных проблемах. И, что самое главное, они совершенно безразличны к этому.

Эксперты считают, что наше общество пассивно и безразлично, что оно не доросло до гражданской активности. Однако, судя по материалу, с которым я работала, могу сказать, что это не верно или, по крайней мере, не совсем верно. Граждане далеко не безразличны. В сценарии интервью подразумевался вопрос о том, как они относятся к происходящему в стране и в обществе, как это отражается на их семье. Я услышала фактически весь перечень достаточно серьезных проблем и вполне адекватного понимания того, насколько это является проблемой.

Другое дело, что это безразличие и равнодушие не имеют никакого выхода в силу того, что наши граждане живут очень целеустремленной жизнью. Вне зависимости от того, каковы конкретно эти цели и какой у них пафос, но жизнь наших граждан очень целеустремленная. Они не успевают. Я не хотела бы здесь путать с тем, что наши граждане стремятся добиться реализации своих основных потребностей. Это разговор не о еде, жилье и прочем. В целом у людей все это есть, и более или менее жизнь у всех наладилась за пос-

ледние три-четыре года. Просто они целеустремленные. У них есть каждодневная цель. И они закрыты. Эта ситуация усугубляется аполитичностью граждан. Политика сейчас неинтересна, сейчас граждане осознанно самоустраиваются от политики.

Еще одна причина аполитичности граждан и их целеустремленности в своей приватной жизни — это то, что они испытали очень сильный идеологический всплеск. Многим сейчас неловко вспоминать о том, какие идеи они тогда отстаивали, они могли в них разочароваться. Как бы из чувства самосохранения люди себя осознанно отстранили от такого интереса.

Гражданская активность возможна, потому что людей серьезно волнуют эти проблемы. Но в основе гражданской активности лежит эмоция отрицательного состояния. Именно эмоция. Начинается все с раздражения, потом переходит в недовольство, затем в возмущение. Когда человек видит, что не он один не может дальше терпеть, то, соответственно, может возникнуть некая публичная гражданская активность, коллективная, и она всегда будет протестной. Более того, неполитические формы гражданской активности не усвоены нашими гражданами. Это может создавать препятствия для понимания гражданами активности правозащитного сообщества.

В заключение хочу обратить внимание на проблему изменения риторики, более четкого размежевания с политическими идеологиями. Необходимо, чтобы риторика включала в себя две важные вещи. Она должна быть эмоциональной и обращенной к гражданину. Она должна быть адресной. Нельзя сразу говорить об общих целях. Нужно говорить об общих целях и ценностях, обращаясь к каждому конкретному гражданину. В центр риторики необходимо ставить понятие достоинства человека. Оно является фундаментальным для теории прав человека, и оно является очень острой точкой восприятия обывателей. Это может привести к успеху риторики. Это наиболее важно, на мой взгляд.

Еще один важный момент: правозащитникам нужно самим о себе рассказывать. Понятны все сложности, связанные со СМИ, с тем, что эта тема периферийная для журналистов. Но нужно самим рассказывать, предпринимать какие-то планомерные действия, создавать новые контакты. Это может быть все что угодно, вплоть до ежегодных отчетов о деятельности.

Дискуссия на секции

Ведущий — Валентин Гефтер

Ведущий: Мне кажется, что отношение граждан и экспертов к тому, что есть на сегодняшний момент, — это следствие изменений в правозащите. Поэтому мне интересен ответ на вопрос: что произошло с самой правозащитной идеологией и требуется ли сегодня другой язык, другие подходы.

Я думаю, что в головах у людей, которых опрашивали, первично не то, что они знают или не знают и мифологизируют, а само отношение к нашим принципам и тому, ради чего мы существуем. Не как мы делаем что-то конкретно, а ради чего мы существуем, что это вообще такое — «права человека», их место в

жизни конкретных людей и общества. Вот это, я думаю, первично по отношению к их реакции.

Алексей Кортаев: У меня два вопроса. Первый, вы говорили, что к слову «правозащитник», к идее правозащиты есть позитивная реакция. Из этого делаем вывод, что кампания по дискредитации не проникает в гущу народную. Я понимаю, это позитивная реакция возникает на слово «правозащита», у которого есть два таких хороших, приятных компонента: и право, и защита. А есть ли у вас ощущение, что это позитивное отношение к слову может трансформироваться в более осознанное позитивное отношение к конкретным организациям, к людям? Допустим, нападают на «Мемориал» — нет, «Мемориал» это правозащитная организация, это хорошо. Такой переход возможен или это пока неясно?

Второй вопрос. Вы говорили об активности, о той самой мобилизационной активности, что, дескать, не все пассивны. Какой элемент эту активность повышает? Речь идет о нарушениях интересов людей или все-таки речь идет о правах? Потому что те примеры, которые приводятся: пенсии и т.д., — это все-таки больше относится к понятию групповых интересов, а отнюдь не к правам. Мобилизационная активность связана с нарушением интересов или прав?

Асмик Новикова: Люди не различают этого.

Алексей Кортаев: Вот это я хотел четко услышать: что у них нет различия между интересами и правами.

Татьяна Котляр: Два вопроса по вашим выводам и рекомендациям. В докладе говорится, что хорошо бы сменить структуру лидерства, потому что лидеры — это диссиденты, которые своим жизненным опытом определили стандарты правозащитной личности и что это может приводить к завышенным ожиданиям общества. А разве завышенные ожидания — это плохо? Это первый вопрос.

Второй вопрос. В рекомендациях сказано, что целесообразно отказаться от антигосударственной риторики, надо критиковать конкретные действия, деятелей и т.д. На мой взгляд, как раз наоборот. Время от времени я сталкиваюсь с тем, что к нам приходят жаловаться: «нас на улице обворовали» или «в автобусе». Я объясняю, что с этим надо не к правозащитникам обращаться, а в милицию. Правозащитники борются с государством. Как правило, с нарушениями со стороны государства.

Асмик Новикова: Я с вами совершенно согласна. Когда мы говорим о правозащите, мы говорим о взаимоотношениях человека и государства. Но людям абсолютно все равно, кто нарушает их права. Людям это безразлично. Поэтому они приходят к правозащитникам, для многих это единственный способ исправить свое положение. В связи с этим принципиальное значение имеет консультация. Мы же хотим, чтобы знание о правозащитниках действительно стало позитивным. В таком случае мы не должны отвергать их личностных проблемных ситуаций.

Я хочу пояснить про антигосударственную риторику. Я написала в выводах, что нужно отказаться от обобщенной антигосударственной риторики. Там же в выводах написано, что нужно критиковать, и беспощадно, не государство, а его конкретную политику.

Что касается завышенных требований, это не плохо и не хорошо. Результаты исследования показали, что в общественном сознании существует два доминирующих типа: «профессионал» и «борец». Тип профессионала так же востре-

бован, как и борец. Если будут сохраняться исключительно завышенные требования к личности правозащитника, исходя из того, каких лидеров знают, то стать профессионалом и соответствовать этим требованиям практически невозможно. Есть проблема согласования двух этих моделей. В идеале это специалист — оплачиваемый доброволец. Вот модель современного правозащитника.

Борислав Петранов: Почему отношение обывателей к правозащите имеет такое значение? Вот обратные связи: обыватель никак не может повлиять на правозащитников. Членских организаций мало, финансирование ведется из-за рубежа, у обывателя нет никаких рычагов влияния на приоритеты движения или правозащиты. В то же самое время правозащитная деятельность очень мало обращена к нему, она обращена к государству, к международным организациям. То есть ни организации не обращены к обывателю, ни у обывателя нет рычагов влияния на организации. Почему это тогда вообще важно?

Ведущий: Насчет того, что мы вообще тут обсуждаем, если обыватель не касается нашей деятельности, а наша деятельность так мало касается обывателя. Так это одна из проблем: как нам повернуться туда, чтобы нас увидели, а мы бы более эффективно на нашего клиента работали. Это нужно, чтобы пытаться найти ключики к повороту в нашей деятельности. Вряд ли мы сейчас сможем повернуть обывателя. Но наше дело повернуться так, чтобы он нас чувствовал, видел и получал ответ на свои запросы — в этом и есть проблема.

Лев Левинсон: В выводах декларируется безразличие граждан к политике как задающее направление для правозащитников, что они также должны размежеваться с политикой, с политическими идеологиями. Дескать, большая часть граждан не успевает сосредоточиться на политической жизни и т.д. Я не совсем уверен в правильности такого посыла. В рекомендации сказано: «Целесообразно размежеваться с политическими идеологиями». Ведь что получается. С одной стороны, мы говорим, что социальные права — это не то, что второго поколения, вообще не совсем права, а, скорее, интересы. И, следовательно, мы защищаем, в основном, гражданские и политические права. С другой стороны, мы говорим, что должны быть деполитизированы. Какие же мы права защищаем? Не надо ли защищать право граждан как раз успеть сосредоточиться на политической жизни? Ведь то, что они не успевают на ней сосредоточиться, это проблема нарушения их прав, вытеснение граждан из политической жизни. Почему же мы должны идти вслед за этим отливом, вместо того чтобы провоцировать политический прилив?

Асмик Новикова: Потому, что если мы пойдем сообразно этому отливу, возникнут диалоговые, партнерские отношения между гражданами и правозащитниками. Только когда мы будем в принципе услышаны, можно будет продвигать ценности гражданских и политических прав. Если мы хотим завоевать доверие у граждан и сохранить базовый позитивный настрой к правозащитникам, нужно учитывать безразличие граждан к политике. Вопрос, в сущности, в риторике, а не в том, заниматься политикой или нет. У правозащитников должны быть жанровые различия в риторике. Если мы говорим с гражданами, то это одно. Если мы говорим с экспертами, то это другая риторика. Если мы обращаемся к власти, то это третья риторика.

Ведущий: Мы переходим сейчас к формулированию проблем, которые выявились в докладе и при обсуждении. Существует очевидная развилка. Грубо:

граждане аполитичны, не чувствуют нарушения своих гражданских и политических прав и поэтому настаивают на том, чтобы обслуживали их социально-экономические права и интересы. Идем ли мы вслед этому тренду и тоже ставим акцент на втором поколении прав или, наоборот, ведем их за собой в том смысле, что больше обращаем внимание на гражданские и политические права и их нарушение?

Юрий Джигладзе: А у меня другая развилка возникла. Анализируя изложенное, мне подумалось, что вот это ничем не мотивированное, как будто бы позитивное реагирование на конструкт «правозащита» или «защита прав человека» связано, возможно, вовсе не с активной гражданской позицией и не с тем, что они ценности разделяют, а с тем, что в этом конструкте есть слово «защита». Что люди, если хотите, сюда включают свои патерналистские настроения. Кто-то, вот правозащитник, о них позаботится, в том числе дырявую крышу починит, и прочее.

Для меня это связано с другим выводом исследования. А именно, когда говорилось про мобилизационный потенциал — я там услышал, что потенциал, в основном, протестно-негативного характера, когда люди раздражены, разочарованы, недовольны и прочее. Может быть, кому-то там, некоторым политическим силам это и нормально, а вот мне кажется, что нас, как правозащитников, больше интересует активный гражданский потенциал мобилизационный. Когда люди не просто требуют изменить и протестуют против проблем, но и как граждане активно делают что-то, чтобы общественные интересы и собственные права защитить и изменить ситуацию. Так вот этого нет в ответах людей. И вот вопрос: можно ли патерналистское отношение клиента все-таки переломить к тому, чтобы люди были активными гражданами и нашими соучастниками?

Марк Гольдман: Два слова о политизации. Давайте, наконец, раз и навсегда признаем, что нет неполитизированной общественной деятельности. Любое участие в строительстве общества есть политика. И все разглагольствования об аполитичности просто запутывают. Второй момент. Мы, насколько я понимаю, должны выбрать определенную тактику. Но чтобы выбрать тактику, нужно определиться со стратегией. У нас, по-моему, стратегии нет. Причем, если тактика для каждой организации может быть своя, то стратегию, наверное, для правозащитного общества предпочтительно иметь единую.

На Конгрессе (Общероссийский гражданский конгресс. — *Ред.*), который недавно прошел, прозвучали два стратегических призыва. Первый: прекратить разговаривать с властью и начать разговаривать с народом. Второй: надо разговаривать и с властью, и с народом. Я предлагаю вот такой стратегический порядок: разговаривать с властью и с народом. Причем вопросы возникают тактические: с кем говорить и как. В этом отношении я хочу напомнить слова нашего уважаемого модератора, сказанные им три года назад в Сочи. Он сказал: «Ради тех мальчишек, которых лупят в СИЗО, я готов разговаривать с кем угодно и о чем угодно». Поэтому надо решать все-таки с кем говорить и как говорить.

Следующий момент. Единая стратегия должна на что-то опираться. У нас нет приоритетных вопросов деятельности. Это не значит, что каждая организация должна отказаться от своей работы. Но мы должны определить два-три приоритетных пункта. Основой должна стать Конституция. Не случайно сейчас на нее атаки, потому что она дает нам огромное поле деятельности. Я напомню вам

о двух статьях: статья 3²¹ и статья 32²², которые дают нам колоссальные права. Но о них все забыли, во всей России. На основании этих двух статей есть уже закон об обращении граждан, он действует пока в четырех регионах. Это колоссальный рычаг. И если мы на этот рычаг обопремся и заставим принять такие же законы и в других регионах, то это будет иметь колоссальное значение для нашей деятельности. Надо добиваться принятия законов о доступе к информации, о гражданской экспертизе и гражданском контроле. Вот эти тактические шаги должны предприниматься всей правозащитной общественностью.

Игорь Аверкиев: Наше население, наши граждане могут сколько угодно путаться в вопросе с правами человека, но мы не имеем на это права, по крайней мере в таком споре. Поэтому предлагаю, когда мы говорим о правах человека, у нас нет иной парадигмы, кроме ооновской, изложенной в Декларации прав человека. Дух и буква Декларации – это единственное, что мы можем сегодня понимать под правами человека. Меня это, может быть, не совсем устраивает, но иной парадигмы сегодня просто нет. Поэтому когда мы говорим о правах человека, мы имеем в виду ооновское представление о правах человека. Вне зависимости от того, как мы к нему относимся.

И еще. Очень неплохо было начать разговор с перечисления дилемм. И я тоже об одной—двух скажу. Очевидно, что население каким-то образом, вернее, непонятно как или плохо, относится к правам человека, или вообще никак к ним не относится. Так вот это проблема языка. У населения есть проблемы с правами человека, они просто не знают, что это так называется. Везде права человека нарушаются, все озабочены, только не знают, что есть специальный для этого язык. Это одна часть дилеммы. И вторая – права человека не являются реальным благом. Аксиологическое понимание прав человека очень низко в России. Либо это проблема языка, либо это проблема объективного состояния жизни у нас, ценностной жизни.

В ситуации с правами человека у нас следующая дилемма. Это проблема России и других посттоталитарных государств. Мы есть иллюстрация некоего общего кризиса. Все, с чем связаны мировоззренческие, исторические и прочие вопросы прав человека, сегодня переживает кризис. Это кризис либерализма как идеологии, он очевиден. И очевидно, что права человека к либерализму имеют очень серьезное историческое, как минимум, отношение. Затем, права человека

²¹ Статья 3 Конституции России. «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. 3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. 4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону».

²² Статья 32 Конституции России. «1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. 2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. 3. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. 4. Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе. 5. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия».

всегда наделялись некоей сакральностью. Эту сакральность правам человека в XX в. придала ООН как гипергосударство, как гиперценность, международное право и т.д. Так вот сегодня ООН находится в кризисе, и международное право находится в кризисе.

И последнее. Мы говорили о популярности. Вернее, мы не говорили, а подразумевали, что нас должны понимать, нас должны уважать и если не любить, то по крайней мере принимать. Так вот дилемма: правозащитник – это миссионер или борец? Он любимый всеми борец, уважаемый всеми, или это миссионер, который объясняет то, что никому пока еще не нужно, но он чувствует, что в этом его долг, его миссия? Вне зависимости от того, любят дикари или не любят его религию, он все равно ее, как может, по-доброму, по-хорошему, так сказать, вносит и вносит. Поэтому тезис о том, что нас должны понимать и уважать, – это спорный тезис, как минимум.

Ведущий: Мне бы хотелось, чтобы каждый в своем выступлении попытался формулировать какие-то проблемы, которые могут получить разное разрешение в тактике и стратегии дальнейшей деятельности.

Ольга Шепелева: Мы много говорили о развилках, методах и стратегиях, о том, какие права выбирать, социальные или гражданские, о том, является ли восприятие населением словосочетания «правозащита» проблемой языка или проблемой ценности прав человека в России, про общий кризис прав человека и т.д., про то, что такое правозащитник – миссионер или борец. У меня возникает ощущение, что это все некая частность. Потому что в первой части этой сессии было рассказано о восприятии обществом прав человека и правозащитников. Для того чтобы дальше что бы то ни было обсуждать, те или иные тактики или стратегии, необходимо понять и ответить на вопрос: чем, собственно, занимаются правозащитники в современной России, то есть каковы их цели и задачи? Что именно они делают? Оказывают определенные сервисные услуги населению, или чем они занимаются? Исходя из этих общих целей, зачем правозащитники нужны в России, будут определяться соответственно стратегии и тактики их действий: будут ли они разговаривать с властью, и как они будут разговаривать, нужна ли им поддержка общества и в какой форме, и т.д. Мне хотелось бы этот вопрос задать: зачем мы здесь?

Ведущий: Я думаю, что конкретного ответа не будет. Общий результат дискуссии будет коллективным ответом или суммой ответов на ваш вопрос.

Андрей Блем: Я думаю, что выскажу не только свои мысли. Мы с другими региональными правозащитниками в кулуарах обсуждали сказанное и пришли к общему выводу по некоторым проблемам. Первое, если исходить из стратегической посылки, что нам нужно формировать мнение народа, взаимодействовать с народом и управлять общественным мнением, то нам необходимо одним из важнейших приоритетов сделать социальные права. Поскольку они сейчас наиболее актуальны для большинства населения. Только так мы сможем привлечь широкие массы к соучастию в нашей работе. И уже затем – просветительский этап, объяснение, что монетизация льгот, МРОТ ниже прожиточного минимума – это результат того, что у нас нет гражданских демократических свобод.

Второе. Проблема, связанная с политизированностью/неполитизированностью. Полностью согласен с результатами исследования, что люди не любят политику. Но, как нам кажется, люди не любят этих политиков, эти партии и поли-

тические персоналии, поскольку они себя исчерпали. К сожалению, нынешние демократические партии не способны поднять людей на борьбу за свои права, вывести их на улицы, как на Украине. Как раз именно в этой нише, как в 80-е гг. «Солидарность» в Польше, нашим общественным правозащитным организациям нужно напрямую заниматься политикой. Не находясь под другими партиями, а наоборот, так сказать, над партиями, более широким фронтом.

Лев Пономарев: Мое выступление будет продолжением выступления предыдущего оратора. Я согласен, что правозащитники, действительно, должны заниматься социальными правами. Мы это пытаемся делать. И да, действительно, мы должны представлять определенную политическую силу, потому что либеральные партии, с которыми были связаны наши надежды, не справляются. Это не значит, что мы сильнее их. На самом деле, мы все равно слабее. Например, партия «Яблоко» представлена достаточно широко, в ней 70 тысяч членов. Но, тем не менее, правозащитники, с моей точки зрения, могут составить определенное политическое крыло. С этой целью есть инициатива со стороны движения «За права человека» создавать правозащитную партию, мы сейчас регистрируем оргкомитет этой партии.

Тем не менее, это не значит, что социальные права являются для нас единственным ориентиром. И если у организации возникает проблема: продолжать ли дальше заниматься социальными правами или она будет, грубо говоря, разгромлена из-за того, что выступает оппонентом власти (особенно на региональном уровне очень часто наши организации сталкиваются с тем, что их просто уничтожают, и на федеральном уровне, мы знаем, есть сейчас проблемы у правозащитных организаций) — эта дилемма не должна решаться в пользу какой-то одной компоненты.

Мы должны заниматься и политическими правами. Я бы сказал, должны быть два крыла, два плеча, и я бы не отдал предпочтения ни одному из них. На политическом уровне мы не можем не обращать внимание на свободу средств массовой информации, не говорить о войне в Чечне и не говорить о политических заключенных, которые сейчас появились в России. И не говорить о том, что сейчас власть пытается подчинить себе гражданское общество и строить так называемую правозащитную вертикаль.

Если говорить о тех задачах, которые ставятся перед «круглыми столами», конференциями, перед любыми нашими собраниями, то мы должны, во-первых, сделать коллективное заявление — по поводу войны в Чечне. А также, я делаю конкретное предложение, — чтобы было коллективное высказывание по поводу политических заключенных в России. Вот некоторый канонизированный список политических заключенных: Трепашкин, Сутягин, Данилов, Ходорковский, Лебедев. Я думаю, что никого не забыл. Об этом надо говорить постоянно, потому что это наша цель. И, может быть, следует высказаться по поводу создания Общественной палаты. Я думаю, что мы не должны приветствовать ту форму, в которой создается Общественная палата, и призывать наших коллег-правозащитников в нее не вступать.

Виктор Гурский: Как видится из не очень дальней провинции, но, все-таки, из Нижнего Новгорода, существует такая историческая архетипика. Кто такие правозащитники в историческом менталитете русского народа? Это юродивые, которые могут крикнуть королю, что он голый, то есть в любой ситуации. И по

сути дела ответ на вопрос «что непрофессиональные правозащитники делают?» следующий: говорят правду тогда, когда остальные побаиваются ее сказать. Что такое в последнее время деятельность власти по выстраиванию правозащитной вертикали? Это попытка превратить правозащитников в шутов, которые будут бегать и говорить вроде бы правду, но кормиться со стола президента.

Теперь о профессиональных правозащитниках. Безусловно, если профессионалы, это те, кто получает зарплату. Но от кого зарплата? Зарплата от западных фондов. А западный либерализм, начинающийся с Джона Локка, и все то, что происходит оттуда, есть совершенно чуждое основной массе народа. Им непонятно, что такое либеральные ценности.

Теперь по поводу политики. Участвовать правозащитникам в политике или нет. Естественно, мы участвуем. Но я выступаю против политизации правозащитного движения, против того, чтобы мы позиционировались рядом с какими-нибудь политическими партиями или деятелями и отождествлялись с ними. Потому что завтра он ни придет к власти, и мы будем выступать против них. А люди будут нас воспринимать как сторонников того или иного политика. Отмежеваться от политика, сказать, что если мы идем вместе с ним, то это не значит, что мы отождествляемся с ним, — это почти невозможно. Меня Лебедев, мэр Нижнего Новгорода, поддержал по поводу альтернативной гражданской службы, и мне до сих пор приходится объяснять, что я был не из команды Лебедева, а это он меня поддержал в моих действиях.

Что делать дальше, по каким направлениям идти? Да будем идти по всем направлениям. Станем профессионалами, какими многие из нас стали, будут возникать новые правозащитники, те самые юридические, которые будут кричать через какое-то время без нас и без соучастия в наших конференциях.

Людмила Вахнина: Я хочу вернуться к теме обывателя и выразить удивление, что у кого-то вызывает сомнение, что мы должны работать над созданием своего имиджа и, в первую очередь, понимания прав человека именно у обывателя. Никакого сомнения в этом нет, иначе как пытаться что-то сделать в этой стране. Но я хочу сказать, что вряд ли нам стоит ориентироваться на очень приятное для нас сообщение, что несколько интервьюированных высказали положительное отношение или положительную реакцию на слово «правозащитник». Я могу сказать, что у меня в памяти имеется целый спектр «от и до». Начиная от «это святой, спасибо им, низкий поклон» и кончая «это враг» и «агент враждебного государства». Весь спектр расположен между этими двумя крайними взглядами, а посерединке «ну, а что они делают, их вообще не видно и не слышно». Мне кажется, что надо учитывать именно этот разброс.

Вторая сторона — это экспертное сообщество. Вот тут, понимаете, большая тоска. Люди, которые считаются и действительно являются экспертами, на самом деле не знают этой стороны общественной жизни, существования огромного числа НПО и, в том числе, правозащитных организаций. Просто не видят этого в упор и, как ни странно, не хотят видеть. Они с порога отвергают их существование. А ведь они являются проводниками информации на более широкие слои населения. Поэтому если говорить об отношении населения очень важен вопрос о риторике. Многие правозащитники считают для себя зазорным отвечать на клевету, на вздорные обвинения, вроде того, что все правозащитники — антирусские или антиправославные. Я считаю, что нужно отвечать. Причем, отвечать

можно, несколько меняя нашу фразеологию, употребляя иногда те слова, которые у нас не очень приняты.

О выборе приоритетных направлений. Я не спорю, что большую популярность у людей имеют социальные проблемы. Но тут проявляется некий плюрализм в отдельно взятой голове, и поэтому не всегда абсолютна информативность опросов. Например, общеизвестно, что больше всего жалоб на милицию, на избивание, на жестокое обращение. А вот в списке проблем, который нам раздали, это стоит чуть ли не на последнем месте. То есть не соотносится эта проблема с тем, что тебя самого могут в милиции побить.

В связи с этим я считаю очень актуальным, что сделана программа «Общественный вердикт», что она хотя бы с одной газетой сотрудничает. Другое приоритетное направление — это защита прав юношей призывного возраста, которое стихийно выросло в очень сильное движение «солдатских матерей». Я считаю, что и другие организации должны к этому подключаться, и они уже подключаются. Это те приоритетные направления, которые правозащитники могут взять на себя. Потому что и беспредел в милиции, и то, что делается в армии, — это именно то, что представляет собой государственный произвол.

Валентина Шарипова: В трех городах, Рязани, Ростове и Перми, тоже занялись общественным мнением и правами человека и провели некий опрос. Выводы из него очень оптимистичные. Как вы уже слышали, «Мемориал» несколько больше знают, чем другие организации. После Московской Хельсинкской группы это старейшая организация, и она кое-что делает для того, чтобы ее знали. Например, исторический конкурс для старшеклассников, который проводится уже шестой год. Это всероссийский конкурс, в который включены не только дети, но и их родители, преподаватели... И, тем не менее, когда я работаю с детьми в районах Тверской области, я сталкиваюсь с тем, что о «Мемориале» совершенно ничего не знают. Ну, ладно обыватели и просто граждане. Не знают о «Мемориале» или очень мало знают журналисты, работники прокуратуры, милиции, или имеют какие-то извращенные сведения.

Я вот что предлагаю. Я предлагаю издать такой материал, который бы рассказывал о правозащитном движении, о лицах, о том, каким власть хочет видеть правозащитное движение, о том, как видит его население страны, и что на самом деле представляет собой правозащитное движение. Такой материал я бы распространила везде, где могла. В научные библиотеки, потому что такие материалы там востребованы, в университетские библиотеки, в прессу, буквально раздать каждому журналисту, в прокуратуру.

Татьяна Котляр: Я хотела бы углубить трудности, лежащие в основе нашего дела, и ответить на вопрос, как мы понимаем цель и задачи правозащитников. Я правозащитник из провинции, из Калужской области. Целью работы (я этим занимаюсь десять лет) для меня всегда было противостоять нарушениям прав человека в разной сфере. То есть ликвидировать их, не допустить, общие или частные. Если частные, то ликвидировать так, чтобы дать методику для других, как защитить свои права в аналогичном случае. Лучше, чтобы вообще не стало подобного нарушения в нашей области после того, как я им занялась. Чтобы боялись нарушать права.

Мне кажется, сегодня мы не уловили чего-то основного, а именно: резкого изменения ситуации в этом плане. Нарушения прав человека становятся не про-

сто более многочисленными. Они становятся массовыми, всеобъемлющими и со всех сторон сразу, так что у меня (и у других, очевидно) не хватает рук, чтобы со всем этим справиться. Одновременно с жуткими нарушениями прав мигрантов, включая русских мигрантов из стран СНГ, включая детей, которые выросли в России, стали взрослыми и не получили никаких документов. Одновременно с проблемами студентов, живущих в общежитии, всех граждан, не имеющих регистрации по месту жительства. В это же время лишают избирательного права, ликвидируют местное самоуправление и выборность мэров и т.д. Принимается новый Жилищный кодекс, одновременно новый закон об образовании. И я в полном ауте, потому что я не только не забочусь о том, какой у меня имидж в глазах сограждан, я не понимаю, какой у меня имидж в собственных глазах. Я ничего не успеваю.

Ведущий: А ваш клиент разнообразный, который чувствует только в одном, своем секторе, будь это беженец, студент, мэр несчастный, — они понимают, что вы им не поможете, защищая всех одновременно? Они-то этого не понимают. И поэтому вы не можете найти откликов на свою деятельность.

Татьяна Котляр: Я нахожу отклик, поскольку я выборы выиграла. У меня есть популярность, не в этом проблема. Но я не выполняю своих целей и задач, и чем дальше, тем больше. Мы эту проблему не обсуждаем, а мне кажется, она важная. Идет наступление авторитарного государства, и мы обязаны ему противостоять.

Анастасия Никитина: Если анализировать положение идей прав человека в современном российском обществе, то это положение достаточно странное, судя по результатам многочисленных исследований. Большинство, особенно молодые люди и школьники, практически не знакомы с тем, что за слова такие странные: «права человека». Как мы можем говорить о том, какое место они занимают, как словосочетание «права человека», так и система ценностей, система правовых норм и механизмов защиты каждого конкретного человека! Как мы можем говорить о чем-то до того, как люди узнают об их существовании! Мне кажется, что для того, чтобы искать поддержку у людей для наших инициатив, надо сегодня с ними поговорить о терминах. Что такое права человека и почему это их касается.

Возможно, стоит начать не с того, что формулировать декларации от нашего имени для кого-то, писать обращения по позициям и проблемам, которые людям совершенно незнакомы, непонятны и их лично не касаются. Может быть, сегодня стоит разработать какие-то простые образовательные программы, для школьников, для студентов. Возможно, надо начать со студентов юридических факультетов, потому что больше шансов, что они пойдут дальше вместе с нами. И акцентировать свою деятельность на этом. На том, чтобы искать поддержку среди населения и с этого начать изменение отношения к правам человека.

Алексей Коротаев: Я бы хотел вернуться к теме нашей секции, как ее сформулировали организаторы. Ведь нас просили здесь, на этой секции, не обсуждать, чем должно заниматься правозащитное движение, как более эффективно защищать права или бороться с авторитарным государством, или еще что-то подобное. А о том, какое место права человека и правозащитное движение занимают в общественном сознании и что нужно делать, чтобы лучше себя репрезентировать в обществе с тем, чтобы добиваться большей поддержки и участия. Так я понимаю цель нашей секции. А мы сейчас говорим о чем угодно,

только не об этом. Понятно, что у нас очень много есть о чем говорить, но организаторы сочли три темы актуальными: безопасность, презентация в общественном мнении и PR-технологии. Следовательно, мы все-таки должны об этом говорить.

Базируясь на тех материалах, которые нам представили организаторы этой секции, я думаю, что в обществе нет внятного, четкого понимания ни ценностей прав человека, ни правозащитного движения. Тому есть разные причины. Мы говорили, что их нужно массово просвещать и о правозащитном движении, и о правах человека, но один из очевидных, как мне кажется, выводов заключается в том, что почти нет конкретных групп, с которыми мы могли бы работать прицельно. Хороший, эффективный социальный маркетинг базируется на прицельной работе с очерченными целевыми группами. Наше общество само по себе крайне атомизировано и не состоит из четко очерченных сообществ. Происходит массовый переход, трансформация общества к каким-то новым ситуациям. Понимая это, вероятно, следует выбирать хотя бы те небольшие существующие целевые группы, в отношении которых есть хоть какая-то ясность. Например, молодежь. С ними, кажется, чуть более ясно, чем с другими. Вот от этого и отталкиваться. Не пытаться выработать общую стратегию для всего населения. Это нереально. Мы видим, что у него нет мнения, нет позиции, есть только мифологемы и, как здесь сказали, вербальные конструкции. Это первая мысль.

Вторая мысль состоит в том, что на самом деле вовсе не обязательно у нас стоит дилемма выбора между борцом, миссионером и профессионалом. Кажется, что внутри нашего сообщества есть всякой твари по паре. Все это есть. Кто-то политик, кто-то помощник и конкретный защитник, практик, кто-то ценности продвигает. И это нормально. Мне кажется, что и не надо пытаться делать один выбор. Надо разделить наши обязанности. Понимать, что мы в целом, как сообщество, должны иметь эти разные упаковки нашего продукта – простите за цинизм. Каким-то целевым группам показывать одно, кому-то другое, кому-то третье. Но надо между собой договариваться и ясно понимать, что есть общая стратегия при разнообразном характере деятельности.

И последнее. Гораздо больше должно быть осмысленной и содержательной саморефлексии, которой совершенно не хватает. Потому что прежде, чем мы сможем эффективно репрезентировать себя в этих трех ипостасях или каких-то иных, мы должны сами понять, кто мы такие и почему имеем право называть себя защитниками общественных интересов или представителями общественных интересов. Я как раз считаю, что в целом мы сочетаем в себе эти три ролевые модели вполне успешно. Не в каждой конкретной организации или личности, а в целом.

Для меня, пожалуй, самый трудный вопрос состоит в том, как бы в стремлении стать эффективными не укрепить патерналистские ожидания в обществе. Вот вы сказали: надо информировать о «Мемориале» и обо всех нас. Я себе представил: допустим, мы в каждую библиотеку и в каждую школу положим красивый буклетик о том, что нас сто тысяч, что мы помогли пятистам тысячам людей, освободили от несправедливого приговора и т.д. Нас еще больше будут воспринимать как бесплатную помощь самого разного рода, учитывая то, что люди не видят разницу между правами человека и просто своими

проблемами. Поэтому у меня пока нет ответа, но это один из актуальнейших вопросов: как сделать, чтобы мобилизация общественности привела бы не к валу людей в общественные приемные, а к повышению гражданской активности самозащиты.

Лев Левинсон: Мне представляется, что одна из проблем — это замкнутость нашего правозащитного сообщества. По сути дела, правозащитники уже давно превратились в некую элитарную группу, которая монополизировала право на права человека. Монополизировала права человека и как бы консервируется в этом качестве. Между тем задача представляется как раз обратной. Максимально расширить правозащитный дискурс и поделиться. Перестать быть монополистом на права человека, а поделиться этим полем работы с теми, кто готов этим заниматься. Я имею в виду не только профсоюзы, но и многие другие смежные организации, которые мы не считаем правозащитными.

Вот, например, готовы ли мы принять позицию Лимонова, который говорит, что политический захват приемной администрации — это правозащитная акция. Вот я глубоко в этом убежден и готов под этим подписаться. Она была правозащитная. Против нарушения избирательных прав, против монополизации власти, против нарушения гражданских свобод. То есть то, против чего мы все выступаем и с чем мы все работаем.

Реплика: Независимо от методов и принципов, да?

Лев Левинсон: Методы могут быть разные. Есть методы проведения дискуссий, «круглых столов», есть методы уличные. Дело не в том, что какие-то методы могут выходить за рамки. Между прочим, защита прав человека такая великая ценность, что ради этого можно пойти на административные правонарушения. И если мы будем строго придерживаться нашего законодательства, которое построено по антиправовому принципу.

У нас неправовое законодательство. Вот я занимаюсь его анализом ежемесячно уже пять лет, и, наверное, нет ни одного закона, который не был бы испоганен, даже из тех, которые были приняты в «розовый» период в начале 90-х гг. Принято колоссальное количество законов, которые направлены на ограничение прав. Поэтому незаконная деятельность — это тоже правозащитная деятельность в каком-то смысле, когда ценности естественных прав, гражданских прав защищаются помимо законных рамок. Это не обязывает нас подписываться и выступать с такими же акциями, с какими выступает кто-то другой, будь то профсоюзы, работники, которые голодают сейчас по всей стране. Но мой посыл в том, что мы не можем это вычленять, искусственно выпихивать из нашего замкнутого, сектантского, масонского правозащитного собрания.

Это первый тезис. Второй тезис такой. На сегодняшний момент как раз не политизация прав человека представляет опасность, а деполитизация проблемы прав человека. Именно деполитизировать и правозащитные, и гражданские организации — такую задачу ставит Кремль. И одним из концептуальных моментов в проекте закона об Общественной палате является как раз ее деполитизация. Вплоть до совершенно абсурдного, с точки зрения Конституции, требования запрета членам Общественной палаты участвовать в выборах и референдумах, в выборах в пассивном качестве, а в референдумах — в активном.

И, соответственно, последний посыл. Правильно было отмечено, это достаточно интересный момент в исследовании, который Ася представила, что пози-

тивный образ правозащитника во многом обусловлен его связкой, его преемственностью с диссидентским движением. Ведь диссидентское движение выступало как раз против режима. И если мы будем последовательны в этом имидже, то мы не можем быть, говоря журналистски, приспешниками этого режима. Мы можем быть только его оппонентами. Этого от нас ждет население. И чем более жесткими мы будем оппонентами, тем более наш имидж может подняться в глазах тех граждан, которых мы защищаем.

Александр Бехтольд: На мой взгляд, воспринимать нас правильно будут тогда, когда мы будем заниматься тем, что волнует наше общество. А общество сегодня, волновать должны, на мой взгляд, две вещи. Это война, не прекращающаяся десять лет. Мы должны выработать свою позицию и наработать свой рецепт решения чеченской проблемы. Именно правозащитный рецепт решения. Мы просто обязаны это сделать, если власть сама на это не способна. Согласованный, очень четкий, конкретный план прекращения войны в Чечне. И вторая проблема, которая, на мой взгляд, существует, — это проблема президента Путина. Необходимо проводить мониторинг его антиправозащитной деятельности. Мониторинг, как известно, включает не только наблюдения и отслеживание информации о деятельности этого человека, а еще и конкретные действия. То есть как только мы видим, что зашкаливает в нашем правозащитном поле, мы должны реагировать соответствующими заявлениями и очень конкретными, согласованными действиями.

О политизации правозащитного движения. До недавнего времени я был убежден, что правозащитники и партии — это вещи несовместные. Теперь я понимаю, что мы временем востребованы в эту нишу. Поскольку больше никому ее занять. И не потому, что мы хотим власти, нет. Потому что мы хотим привести к власти своих. Вот когда мы приведем, как в Польше, к власти своих, тогда мы будем с ними бороться. Потому что они будут все равно нарушать права человека. И мы, как правозащитники, должны будем дистанцироваться от них. Но сначала это нужно сделать, как в Польше сделала «Солидарность».

Валентина Череватенко: Я не очень склонна поддерживать идею выводить на улицу наше население, как на Украине или в любом другом государстве. Меня очень заинтересовал вопрос, заданный в самом начале. Почему нас беспокоит отношение обывателя? И сколько здесь по кругу ни ходили, никто не сказал: почему. И я для себя попыталась прорисовать, почему на самом деле это меня беспокоит. И нарисовала молот и наковальню. С одной стороны, это наш обыватель, где-то 95% населения, а с другой стороны — власть. И посередине мы. И что оттуда хлопнет, что отсюда хлопнет, наверное, будет одинаково. Может быть, поэтому нас это беспокоит, а может быть — нет.

Я хотела сформулировать некий запрос, вернее, свою позицию таким образом. Мы, как организации, почти все оказываем услуги населению. И имеем запрос на эти услуги. Но не на саму идею прав человека. Поэтому, мне кажется, одно из направлений, чтобы завоевывать обывателя, — это формирование запроса на идею прав человека, а не на услуги. Но через эти услуги, другого пути к сердцу нет.

Константин Потнин: Мне кажется, самое главное сейчас — научить людей коллективным действиям. Коллективным действиям в защиту своих прав.

Любыми методами. Потому что право есть некое выражение общественной этики. Если в основе этих методов будут лежать высокие идеалы прав человека, то это будет шаг вперед, если люди научатся отстаивать свои права коллективно. До тех пор, пока мы будем решать все их проблемы и кормить с ложечки, давать юридические консультации бесплатно даже тем, кто получил в наследство квартиру и не хотят заплатить 50 рублей за консультацию у адвоката, эта проблема будет возникать снова и снова. Будут правозащитники отдельно, граждане отдельно. И мне кажется, что мы должны направить свое внимание на те вещи, которые сейчас больше всего волнуют людей. Это реформа здравоохранения, это реформа жилищно-коммунальная, это те вещи, через которые можно сплотить людей, можно поднять авторитет правозащитных организаций. А то, что авторитет такой поднимать нужно, не вызывает сомнений. Потому что власть стала формировать свои подотчетные общественные организации, палаты, проводить всевозможные социальные форумы на базе «Единой России».

Алексей Коротяев: Я хочу высказать свою, приватную точку зрения. Заранее прошу прощения у всех, кого она может обидеть. Мне кажется, что сама постановка вопроса об образе правозащитника в обществе, в общественном мнении, о взаимодействии с народом, на мой взгляд, некорректна и неправильна. Что касается вопроса, который сейчас задавала Валентина, почему нас беспокоит мнение обывателей. Да просто потому, что все мы (вы уж простите меня, дорогие коллеги, а многие здесь присутствующие — друзья), прямые наследники той самой российской народнической интеллигенции, которая своей функцией считала образовывать темный народ и вести его к светлому будущему. Давайте себя хотя бы в этом не обманывать. Это единственная причина, по которой нас интересует мнение народа, а вовсе не потому, что народ хочет чего-то эдакого.

Мне вспоминается — я все-таки давно на этой земле живу — Григорий Померанц со своей очень забавной, интересной теорией анклавного развития: о том, что развитие России происходило методом анклавности. Вот правящий класс брал культуру некоторых, скажем так, более развитых, стран и жил в своем анклаве. Французском в какой-то момент, потом немецком в какой-то момент. А вся остальная страна жила в совершенно другой исторической действительности, историческом времени и т.д. На мой взгляд, это довольно прямо относится ко всему тому, что мы обсуждаем. Почему у нас есть и проблема с тем, каков образ правозащитника (я дальше скажу, что я думаю по поводу этого термина) в народном, общественном, обывательском мнении. И другая проблема: заниматься или не заниматься правозащитникам политикой и прочее. На все это у каждого есть свое мнение. Да просто потому, что сейчас в этой стране нет общественного запроса на то, что называется «защита прав человека». Это мое жесткое и твердое утверждение.

И я хочу сказать следующее. Вы, Игорь, говорили об ооновских правах. Я всей душой с вами согласен. Одна из сторон моей деятельности состоит в том, что я провожу как минимум два, а бывает, четыре-пять семинаров в течение года по ооновской системе защиты прав человека: по теории, по механизмам и т.д., в различных частях так называемого постсоветского пространства. И единственный четкий вывод, который я могу сделать: не нужна никому в этих стра-

нах ооновская система прав человека, кроме правозащитников, которые счастливы, когда я приезжаю. Они чувствуют себя приобщенными к некоторой общемировой деятельности. Только эта их радость меня и поддерживает. Я понимаю, что хоть какую-то пользу приношу, что я помогаю этим людям чувствовать себя неодинокими. В выступлении нашего нижегородского коллеги была очень хорошая фраза: он сравнил правозащитников с юридивыми. Действительно, в стране, в обществе, где правозащитник – это развитие образа юридивого, говорить о запросе на права человека в ооновской формулировке просто-напросто нелепо и некорректно. Поэтому весь разговор идет немножечко мимо цели. Речь может идти только о том, как нам помогать формулировать этот общественный запрос.

Мы говорим про права человека в формулировках ооновских. Жертвы обычно совсем по-другому формулируют свои запросы. Так вот все, что может правозащитное сообщество, – это продолжать заниматься своей самой обычной деятельностью. Одни помогают одним, другие – другим. Одни помогают сидельцам, другие помогают защищать свои права призывникам, третьи – решать социально-экономические проблемы. Но при этом надо сознавать: мы не занимаемся правозащитной деятельностью в западном смысле. Той самой правозащитной деятельностью, где жестко формулируются юридические понятия: где есть права человека, а где просто нарушения закона. Той самой, где есть жесткое отделение, между прочим, политической деятельности от правозащитной. Ни один уважающий себя западный правозащитник не занимается политической деятельностью. Но он живет в другом обществе. Он живет в обществе, где есть отдельный запрос на политическую деятельность и отдельный запрос на правозащитную деятельность. Мы живем в этом самом анклавном обществе, в котором волей-неволей приходится вести миссионерскую, просветительскую деятельность. Это будет и политика, и помощь любым группам и интересам до тех пор, пока эти интересы законны. Заметьте, я употребляю слово «законный», а не какие-то там «права человека». На самом деле основное из того, что делают сейчас правозащитники, это то, что помогают соблюдать закон. А доля прав человека в международном понимании – хорошо, если 10% по всей стране наберется. Когда пишется отчет в комитет ООН или в Европейский суд и т.д. Все остальное – это чистая борьба за соблюдение права. Точка. Слово «человека» отсутствует. Просто права и закона. И это единственное, что можно делать для того, чтобы когда-нибудь на этой основе в стране сформировался запрос на права человека.

Александр Миронов: Я бы хотел поддержать предложение Анастасии Никитиной об абсолютизации образования. А именно: о роли образования в правах человека. Образование может нам помочь, чтобы права человека не были «так называемыми». Обратите внимание, что в программах некоторых политических партий права человека обозначены словосочетанием «так называемые права человека». У нас уже есть примеры, в частности деятельность фонда «Точка опоры», когда работа по ооновскому проекту содействия образованию в области прав человека в России дает результаты. Результаты, которые позволяют говорить о том, что многие школьники теперь знают, что такое права человека. Я не согласен, что нужно начинать со студентов, нужно начинать с детского садика. И в Братске, кстати, есть такие примеры. Воспитатель О.Г. Ворончихина показала,

что в стандартах дошкольного образования есть понятие «права человека». Оказывается, дошкольники должны знать, что такое Всеобщая декларация прав человека. Я настаиваю на том, чтобы в нашей секции было решение по образованию. К тому же у нас есть возможность включиться во всемирную программу образования в области прав человека, которая была недавно объявлена ООН на 2005–2007 гг., и европейский год гражданственности через образование – 2005 год. Я думаю, что у тех правозащитных организаций, которые занимаются просвещением, есть такой замечательный шанс.

Сергей Лукашевский: Я считаю, что, во-первых, наша деятельность может быть поэтапной, а во-вторых, то, что мне кажется странным в выступлениях многих сегодня – это попытка найти некоторый единый путь, единую стратегию. Здесь часто говорят об обществе в целом, о населении в целом, об обывателях в целом. В действительности, мы живем все-таки в достаточно сложной, достаточно многообразной стране. Мне кажется, что если говорить о том, что же нам делать в этой ситуации, как относиться к ней, то мне видятся два главных принципа, без которых, на мой взгляд, мы все время будем вариться в тех же попытках найти некую целостную концепцию.

Первое – это некая полифоничность деятельности. Поскольку целевых групп много, и общество многообразно, то к каждой целевой группе должна быть применена своя стратегия, при этом с прицелом на развитие. Мы должны точно понимать, какая из проблем, которые нас волнуют, имеет целевую группу и какую. Например, война в Чечне. Понятно, что наше сообщество это волнует. Волнует ли это какую-то еще значительную часть граждан? Боюсь, что нет. И мы должны это понимать. Это не значит, что мы должны эту проблему отодвинуть. Но, пытаясь ее так или иначе решить, мы должны понимать, что это запрос меньшинства. Запрос меньшинства населения с определенными ценностями.

Когда мы говорим о запросе значительной части населения на защиту их социальных прав, мы должны понимать, что сразу вменить большинству населения связку между социальными правами и гражданскими свободами невозможно. Здесь нужно, во-первых, понимание этого факта и, во-вторых, готовность к поэтапности действий. Что действительно возможно – это попытаться вменить потребность в защите социальных прав как свой социальный интерес. И в дальнейшем, продолжать отстаивание этого интереса через обучение каким-то коллективным действиям.

Вероятно, если мы поищем среди частей российского населения, то найдем те группы, для которых актуальна проблема гражданских свобод. И с этой группой надо будет работать соответствующим образом. Идеальной была бы ситуация, когда каждый разнообразный запрос, который есть в обществе (кого-то интересуют только социальные права, кого-то – правовая помощь, а небольшую часть – интересуют гражданские свободы), находил тот или иной ответ в правозащитном движении. Но при этом стоит помнить и о том, что проблем у нас все-таки слишком много, а нас самих слишком мало.

Алексей Коротаев говорил, что когда он проводит семинары, он находит отклик у правозащитников. Потому что в действительности правозащитники оказались той самой целевой группой. И когда мы говорим, что наш запрос, наша попытка донести до общества какие-то наши ценности и права человека не на-

ходит отклика, это лишь означает, что мы не находим правильной целевой группы. Эта целевая группа может быть очень маленькой. Например, только правозащитники. Но им это будет полезно. И, возможно, не надо пытаться всегда искать большую целевую группу, достаточно найти маленькую.

Сергей Исаев: Господа, мне кажется, что все сидящие здесь очень давно не заглядывали в школьные учебники по обществознанию. Я бы тоже, наверное, этого не сделал, если бы не мой младший сын – выпускник. Так вот. Правам человека сегодня учат. И надо сказать, иногда учебники мне даже нравятся. С чем-то хочется не соглашаться, с чем-то спорить и т.д. Но, тем не менее, знание о том, кто такой правозащитник, постигается сегодня из вполне официальных, официозных учебников по обществознанию.

Знание о правах человека находит отражение и в вузовских учебниках, и в учебниках профессиональных, которые готовят, кстати, сотрудников органов внутренних дел. Но беда в том, что это знание может остаться совершенно формальным. Потому что расстояние от знания до его воплощения, до реализации очень велико в нашей стране. Мне кажется, что сегодня задача правозащитной организации в том, чтобы реализовать это знание, сделать его по-настоящему действующим. Мы, то есть Пермский правозащитный центр, пришли к мысли, что делать это можно очень по-разному. Например, выиграли мы процесс, где оперативник бейсбольной битой избивал подсудимого. Мы непременно пойдем в это учреждение, где вся эта мерзость происходила, и будем читать лекцию о правах человека. С тем, чтобы подчеркнуть, что альтернатив правам человека просто не существует. Что человеческое достоинство, – это не частная инициатива гражданина. Что соблюдение прав человека – это совершенно четкая необходимость, которая касается не только человека пытаемого, но и человека, который пытается. Мне кажется, что методов нахождения технологий перенесения схоластического знания, придания ему формы действующего знания сегодня накоплено достаточно много.

Евгений: Я хочу сказать несколько слов об общественной мифологии. У нас общественная мифология всегда «мы» и «они». Это очень важная вещь, это базовая вещь для России: «мы» и «они». Этими «мы» могут быть кто угодно, «они» – тоже кто угодно. Как правило, говорят «народ и власть», «правозащитное движение и...». На моей памяти только два раза была смена мифологии. Это 60–90 гг. 1960-е – я имею в виду с 1956 по 1968, 90-е все мы пережили. Тогда была мифология такая: власть плохая, мы хорошие, дайте нам власть. Это другая мифология, чем «мы и они». То есть «мы и они» преодолевалось путем «мы должны туда пойти, заменить» и все такое.

Вот эта мифология «мы и они» сейчас опять становится господствующей. Еще на рубеже XVIII–XIX вв. мадам де Сталь писала, что мифология «мы и они» является одной из самых страшных сторон русской жизни, которая не дает России развиваться. Просто в России нет срединного класса, нет посредника. Перевод на русский язык слов «средний класс» вводит в заблуждение. Речь идет не о людях со средним доходом, а о посредниках между различными слоями населения, которые могут структурировать население. Кроме посредников больше никто не может структурировать население. Выделить малые группы с их интересами, с их правами. Интересы – это тоже для человека серьезная вещь. На самом деле национальная идея, стратегия и приоритеты – это крайне редкая вещь. В

харизму. Чтобы продвигать то, что никому не нужно, надо иметь за собой глыбу характера, личности и всего прочего. То есть нам всем нужно быть адекватными своей функции. А функцию можно выбрать осознанно. Я призываю к интеллектуальной честности. Нужно четко понимать, что я хочу, занимаясь правами человека, и подобрать адекватные технологии. А у нас нет осознанного выбора, нет адекватного подбора технологий. И соответственно нет развития.

Если сегодня для правозащитника важнее всего решать проблемы бедных и богатых, выступать против приватизации, он должен честно сказать, что он новый левый. И нормально создавать новые левые организации, безусловно политические. И в таком случае заниматься левой политикой, а не называть это все правами человека.

Александр Бехтольд: Я не согласен с позицией предыдущего оратора в той части, что мы, защищая социальные права, непременно должны взаимодействовать с властью. У нас есть законы, где все прописано, где права закреплены, есть Конституция, все есть. Это наша сила. Я каждый день хожу в суды и доказываю, что социальные права нарушаются. И мне не нужен при этом президент, который будет на меня благосклонно смотреть или лояльно ко мне относиться. Я не понимаю такой позиции, что надо хорошо относиться к президенту, чтобы защищать социальные права. Не нужно заискивать перед президентом, чтобы выигрывать в судах.

Ольга Шепелева: По поводу положения в обществе и влияния на общественное мнение. Как влиять на общественное мнение и какой имидж мы хотим иметь в обществе, зависит от того, во что именно мы собираемся это общество вовлечь. Если мы его, например, вовлекаем в противостояние существующему политическому режиму — это одна ситуация. Если мы пытаемся вовлечь более широкие общественные слои в лоббирование тех или иных нормативных актов — это совершенно другая ситуация. Скажем, организация, которая оказывает юридическую помощь населению, тоже может пытаться вовлечь общество в эту деятельность. Но эти три типа абсолютно разные. И от каждого конкретного случая будет зависеть, какой имидж мы будем строить и с какими посланиями, воззваниями мы будем к обществу обращаться.

Татьяна Котляр: Каждый человек, каждая организация вправе выбрать для себя направление, сказать: я занимаюсь этим или другим. Но я считаю, если человек или организация называют себя правозащитными, они не могут не обращать внимания на тот вызов, который стоит сейчас перед российским обществом. Вызов заключается в войне в Чечне, в распространении политических репрессий. Как показали социологические опросы, общество ждет от нас, чтобы мы продолжали линию советского диссидентства, поэтому правозащитник должен этим заниматься. Если правозащитная организация считает, что «я занимаюсь только социальными правами, а вот этим я не занимаюсь», то это просто социальные работники. Я считаю, это уже не правозащитная организация.

Лев Левинсон: Две реплики. Первая. По поводу того, что мы должны соблюдать поэтапность приучения граждан к проблематике прав человека. В таком рассуждении, мне кажется, есть один изъян. Мы можем говорить людям о войне в Чечне и не бояться того, что это непопулярно, не будет понято, если мы будем правильно об этом говорить. Ведь война в Чечне ведется за счет налогоплательщиков. За тот социальный счет, который оплачивается ветеранами, инвалида-

ми, детьми, репрессированными и т.д. Если мы будем ставить вопрос так, то нас все поймут. Надо давать в связке социальные и гражданские права, не изолировать их друг от друга. Это первое замечание.

Второе замечание по поводу не востребоваемости прав человека в России, как бы даже историческое. Мне кажется, это искусственное представление. Раз люди приходят, значит, это востребовано. И то, что Татьяна Котляр не знает, куда кидаться, как она говорила, когда со всех сторон нарушаются права, — это не она выискивает нарушения, а, как правило, люди идут с этими нарушениями к ней. Значит, востребовано, раз они идут к правозащитнику, и правозащитник выигрывает выборы на региональном уровне. Победа Татьяны Котляр на выборах — лучшее подтверждение того, что комплексный подход к правам человека совершенно понятен. Татьяна не скрывает, защищая права, свою политическую позицию, антигосударственную, и это не смущает наших обывателей.

Юрий Джигладзе: Один из аспектов проблемы, которую мы обсуждаем, состоит в том, что, поняв более или менее, что мы из себя представляем и в чем состоит наша миссия в этих разных полифониях, мы должны научиться продавать себя обществу. Ольга Шепелева говорила о том, как по-разному для разных целей можно мобилизовать людей. В самом начале дискуссии Борислав Петранов задал нам вопрос: а зачем нам вообще нужны эти обыватели, мы существуем вроде бы в разных мирах. Мне кажется, что будут продолжаться и бесконечные очереди к Андрею Бабушкину, и Татьяна Котляр будет разрываться, при том, что, действительно, государство наступает на права, о чем говорит Лев Пономарев, — если мы не сможем мобилизовать граждан на самозащиту в разных ее проявлениях. Не обязательно в виде очереди в приемную. Хотя и это на первом этапе будет. А в самых разных. Если люди будут осознавать себя как граждане и противостоять произволу, авторитаризму и нарушению прав, то нам будет легче. Мы не будем оторваны от этого общества. Сегодня мы существуем в другой, разорванной реальности.

Последнее. Эмпирически мне кажется, что люди реагируют на такие понятия, как «достоинство человека», и мы должны через это уметь себя продать. Сегодня люди чувствуют, что с ними никто не считается, власть или кто-то еще их унижают и т.д. «Достоинство» — это неотъемлемая часть прав человека, это основа прав человека. Далее. Сегодня все говорят, что власть врет, политики врут. Мы должны объяснять, что мы говорим правду, предоставляем другую информацию. Значит, «достоинство» и «правда». И наконец, о чем тоже немного говорили, — «социальная справедливость». Вот это тоже то, что востребовано, и не только у нас, а во всем мире. При этом совершенно не надо приклеивать ярлыки «левые», «правые», какие-то партии образовывать или что-то еще.

Марк Гольдман: Два момента. Первый относительно общения с властью. Я хочу заострить внимание на этом вопросе. В России никогда не умели говорить с властью: или холуйство, или «будь ты проклята». На нормальном человеческом, конструктивном языке говорить с ней никто не умеет, в том числе и мы. Но мы должны этому учиться и учить говорить людей, со ссылкой на законы, корректно, но жестко.

Второе. Обыватели не знают, кто такие правозащитники. Они знают одного, второго, а в масштабе России, где они есть, чем занимаются, — не знают. Это происходит потому, что у нас нет координационного начала, нет коорди-

национного центра, куда люди могли бы обратиться с глобальными стратегическими вопросами. Необходимо создать единый координационный центр, который бы никаких прав не имел, а имел только обязанности: координировать и выбирать приоритетные направления с помощью исследований. Это я считаю обязательным.

Ведущий: С моей точки зрения, это замечательно, что было сказано очень много разного, трудно сводимого в одну или даже несколько подсистем. К сожалению, мы почти не успели поговорить про то, какие конкретные, кроме просветительских, понятные направления деятельности мы можем предложить, чтобы они не противоречили друг другу. Потому что каждый будет заниматься разным, но надо, чтобы мы не действовали в контрпродуктивных, перпендикулярных направлениях. Если мы сможем в течение сегодняшнего и завтрашнего дней или в дальнейшем договориться о том, что есть какие-то тактики «не навреди», а, тем более, стратегии, с учетом того, что мы сегодня говорили, это было бы замечательно.

Асмик Новикова: Я еще раз обращаю внимание на некоторые вещи. Тот самый борец, который зафиксирован у меня в исследовании, здесь прозвучал как юродивый. Среди характеристик борца это тоже есть, только там это звучит как «чудак». Я хочу обратить внимание, что это не единственный тип правозащитника, который существует в общественном восприятии. И вопрос, доминирует этот образ или нет, спорный. Молодежь этот тип правозащитника фактически не актуализируется. Для них важен правозащитник-профессионал. И это нужно иметь в виду, потому что поколение, которое знакомо с диссидентской деятельностью или хотя бы владеет какой-то информацией и потому имеет подобные стереотипы восприятия, оно, так или иначе, уходит.

В связи с этим я хочу вернуться к теме просвещения. Учебники — это очень хорошо, но этого недостаточно. Настоящий момент, пока молодежь, в целом, настроена позитивно, но не имеет четкого образа правозащитника, — очень важен для правозащитного сообщества. Если сейчас со стороны правозащитников будет осуществляться продуманная, взвешенная, грамотная политика для создания определенного образа правозащитника, то молодежь, будучи *tabula rasa*, очень быстро ее воспримет. Это накладывает на правозащитное сообщество определенные обязательства. Нужно самим этим активно заниматься. Мобилизационный потенциал не значит, что надо выводить людей на площадь или добиваться публичной активности. Это работа, чтобы упредить другое воздействие на *tabula rasa*.

Демонстрация антигосударственной политической позиции возможна и понятна обывателям, но желательно, чтобы она подкреплялась конкретными действиями по помощи конкретным людям. Тогда этим обывателям становится ясна логика действий и высказываний правозащитника.

Что касается структуры, о которой говорил Лукашевский. Структура общества действительно разная, общество стратифицировано. Но это задача для другого исследования — более точно понять, что из себя представляют те социальные группы, которые являются носителями тех или иных типов.

Профессионализация сообщества, которая сформулирована как проблема в исследовании, это и есть объективный процесс, ответ на ту социальную полифонию, о которой говорил Лукашевский. И здесь наиболее важно — распреде-

лить и согласовать роли и связи между правозащитными организациями. Иначе никакие приоритеты выработать практически не получится. Хотя бы в силу того, что выработка консолидированных приоритетов в принципе очень тяжела, потому что правозащитное сообщество по природе своей горизонтальное.

Борислав Петранов: Две идеи, которые касаются предложения о действии. Первая – транспарентность. Если большинство организаций будут издавать содержательные годовые отчеты, которые на понятном языке объясняют, что делает организация – это основной элемент транспарентности, – это даст обывателю некую идею, что организация ему подотчетна. Второе предложение – как бы некоторая фундаментальная метаидея, которая стоит за правами человека, например: недискриминация и приватность. Эти фундаментальные идеи лежат в основе всех конкретных идей, конкретных прав и конкретных групп. Я бы добавил эффективное средство правовой защиты, но здесь сложнее. То есть концентрироваться на метаидее, которая стоит за конкретными правами.

Юрий Джигладзе: Я все размышляю над провокационным вопросом Борислава Петранова, зачем нам нужны люди, вот эти обыватели. Этот вопрос полезен, я от него отталкиваюсь в размышлениях. Тут спорили о том, говорить с властью или не говорить, диалог или давление, или как вообще с ней бороться. На мой взгляд, говорить мы сможем – так, чтобы быть услышанными, а не кричать в пустыне, – только если у нас будет сила. То есть разговор с властью возможен только с позиции силы. Силы – не в смысле вывода народ на улицы, хотя и это возможно в определенный момент. Именно для того нам нужны эти самые обыватели и граждане, чтобы у нас была сила для разговоров с властью. Потому что сегодня мы объективно не имеем широкой базы социальной поддержки.

Вторая мысль. Мы здесь говорили о том, как найти популярный язык, чтобы нас слышали везде и всяко. Двое из наших коллег вновь вернулись, каждый своим путем, к необходимости производства и распространения массовой газеты или еженедельного журнала. Не правозащитного, для нас, а по стране, с многотысячным тиражом, чтобы журнал представлял альтернативную точку зрения, альтернативную позицию, ценности продвигал и прочее. Для массового потребления. Понятно, что доноры скажут, что это дорого, непродуктивно, неустойчиво. Вопрос финансов, это проблема, конечно. Но для нас вопрос: это, вообще, нужно? Это хороший способ пробиться с нашим словом к разным людям.

Послесловие ведущего

Валентин Гефтер, Институт прав человека, г. Москва

Права человека в общественном мнении – вопросы важнее ответов?

Тема секции, за организацию и проведение которой отвечал Институт прав человека, называлась «Права человека в российском общественном мнении: ключевые факторы и болевые точки». Хочу объяснить, почему мы именно так сфор-

мулировали тему, тем самым определив ход дискуссионной работы на секции. Нам представлялось существенным то, что, наряду с давлением «извне» со стороны власти и угрозами, о которых не говорил только ленивый, — нам необходима критическая оценка самих себя. Без этого никакие серьезные перемены в наших действиях невозможны.

Прежде чем попытаться сформулировать собственное отношение к предмету разговора (и положенного в его основу исследований социологов), хочу кратко обозначить главное, что я вынес из состоявшейся на конференции дискуссии.

Это, пожалуй, две вещи. Первая связана с тем, что отношение людей к правозащитным проблемам и работе коренится в наличии «не-наших», не правозащитных или, чаще всего, отсутствии вообще ценностных представлений о Праве и других важнейших для гражданина краеугольных камней. И второе: сам язык, на котором мы говорим, в первую очередь с широким кругом россиян, — не их, в нем бытуют иные понятия и слоганы, не затрагивающие многие приоритеты жизни.

В названии нашей темы присутствовали «ключевые факторы и болевые точки». Среди них есть актуальное всегда и особенно сейчас: например, «политизация идеи прав человека». Другими словами то, как общая правозащитная идеология и даже фразеология в сочетании с нашим позиционированием в качестве весомой части третьего сектора/гражданского общества меняются в современной ситуации и как соотносятся с не столь отдаленными годами.

В начале 90-х гг. «права человека» практически шли в одной связке и были почти идентичны понятиям «демократия» и «свобода». Не потому ли, что тогда выбор стратегии развития нельзя было представить (даже в теоретическом плане) как проблему перехода «от Гоббса к Локку»? От традиционного для России и, конечно, СССР вертикального характера конструкции системы или общества, при котором групповые и межличностные отношения (то, что называется социальным контрактом) регулируются через Государство, посредством передачи разным ветвям власти и их институтам права устанавливать правила игры и практического «разруливания» на их основе разнообразных конфликтов общего и частного характера — к иному, горизонтальному способу существования, при котором есть различие между договорами о правах и интересах физических и юридических лиц с их выполнением через самоуправляемые и саморегулируемые институты гражданского общества, и договором о правлении, которым заметно сужается роль и место государства в этих вопросах.

И не сразу, а по прошествии немалого времени, выявилась невозможность одновременного продвижения к успеху во многом «внешних» политических свобод и демократических институтов с объективно отстававшими в изменениях, а по большей части и оставшимися прежними, социальной и гражданской инфраструктурах общества. Могло ли наложение такой новой «матрицы» на прежние, «гоббсовские», представления граждан и, тем более, должностных лиц (особенно в условиях реального разделения властей, всеобщей автономизации и приватизации властных полномочий, а также первичного накопления капитала) не дать эффект реакции под названием «самотермидор». Реакции, для которой идеи прав человека, с одной стороны, оскандалились и профанировались, вместе с их носителями, а с другой, гораздо больше, чем в перестроечные времена, виделись как требование к государству обеспечить мои или наши, групповые потребности

и интересы, ущемляемые со всех сторон не только и даже не столько одним лишь чиновником.

Именно так, не получив вскорости желаемого благополучия, общество сделало выбор в пользу патерналистского, не только в материальном отношении, государства, которое:

- *в лучшем случае* обеспечит условия для организации и функционирования недостроенных и даже непостроенных общественных инфраструктур, «сняв» иные формы их регулирования и давления со стороны частных и/или зарубежных интересов;
- *в худшем случае* само заполнит нишу регулирования договорных отношений между гражданами и их группами, став чуть ли не единственным центром «социального контракта» в стране, через который проходит все и вся.

Извечная потребность в арбитраже, гаранте соблюдения элементарных норм и правил в противодействии торжествующему «праву сильного» ощущалась в прошедшие годы (да и до сих пор) сильнее всего. И те, кто предлагал эти гарантии, всегда могли рассчитывать на, как минимум, молчаливую поддержку. В условиях хаоса и бесправия люди гораздо меньше нуждаются в собственной свободе, чем в ограничении свободы других — тех, в ком усматривали угрозу.

Это же относится и к правам, особенно так называемым социально-экономическим, как они представлялись согражданами в их неотъемлемости и совокупности. То есть к тому, что можно назвать законными, в лучшем случае, интересами и потребностями, но никак не естественным и присущим человеку от рождения. И это сразу «перебрасывает» нас к осознанию исконно российской (по нашей истории и менталитету) проблематики, обозначаемой явным понятийным несопадением «прав человека» и «интересов — как групповых, так и личностных». Какие между ними «взаимоотношения» и что берет верх в переходном обществе?

Об этом много говорилось в ходе дискуссии, но в моем представлении у нас нет пока четкого понимания, что с этим делать — помимо констатации факта и необходимости общепросветительских усилий по «работе» с такими предрассудками доправового и эгоистически-потребительского сознания.

Между тем работа секции в очередной раз подтвердила известным правозащитникам тезис о замещении в представлениях граждан понятий права человека на понятие справедливости. Причем справедливость понимается очень часто как распределение тех или иных конкретных благ, не только материальных.

Обозначенное выше — в основном, в виде «вечных» вопросов без ответов (надеюсь, не навсегда) — приводит нас к тому, что составляет основу повседневной деятельности правозащитников, а также отношения к этой деятельности людей, причем не одних лишь получателей нашей помощи, но также многих, кто задается теми же вопросами.

И еще одно важное для меня обстоятельство: нам не хватает убежденности и честности, когда мы утверждаем, что правозащита — это не отстаивание прав и интересов той или иной группы лиц, как бы ущемляемы или дискриминируемы не были ее представители, а защита Права как такового. Для чего процедуры и институты не менее важны подчас, чем наша боль и переживание за слабых мира сего, из чего «шубу для жертвы» не сошьешь, но и без чего (право)защитником не станешь.

Именно отсюда следует, по-моему, любимое Сергеем Ковалевым утверждение, что Право должно быть вне политики и выше политики. Политизация правозащитной деятельности, даже в условиях путинской России, не должна стать переходом в непримиримую оппозицию в партийном смысле (с точки зрения участия в борьбе за власть), а выглядеть, да и быть, оппонированием власти – сегодняшней и завтрашней – по принципиальным вопросам именно Права. Права, понимаемого как легитимно и законно выраженного общественного договора между всеми без исключения, то есть с позиции прав каждого человека и их приоритета перед так называемыми коллективными ценностями.

Поэтому стоит, хотя бы иногда, осмыслить возникновение и причину перечисленных коллизий, сведя к нескольким вроде бы «простым» пунктам. Я попробую те, что мне ближе, хотя бы назвать, акцентируя свои предпочтения там, где это необходимо:

- Личность и общность (группа, корпорация, государство).

Приоритет первой с ее правами и *privacy* при всей необходимости вторых для обеспечения условий существования и, что важно, помощи и защиты для других.

- Глобальное, национальное (государственное), этноконфессиональное.

Их вечный спор между собой в отдельно взятом человеке, конфликты на этой почве.

- Верховенство права и Демократия: неразрывность и различия.

Первое больше относится к принципам и идеалам, являясь как бы предельной точкой нашего стремления к объективности и справедливости. Второе – средство (механизмы и институции), которые могут попасть в любые руки, в том числе с обратными демократическим намерениями. Первое должно быть верховным арбитром и не столько государственным, сколь общественным институтом, основанным на приоритете прав личности, а не интересов группы или населения страны в целом. Второе, если толковать как власть арифметического большинства, чревато его диктатом и пренебрежением к мнению и правам меньшинств. Поэтому оно должна предусматривать непосредственную активность граждан в решении общественных вопросов (а не только участие в выборах!), возрастающее делегирование полномочий и средств на уровень самоуправляемых ассоциаций граждан, а также особую защиту прав меньшинства, в том числе и «внутри» самого гражданского общества.

Думаю, что не сформулировав эти и другие ключевые для нас самих проблемы, мы не сможем понять, как и какое формируется мнение о них и о нас самих в нынешнем обществе. Непроясненность – и для меня самого, и для многих присутствовавших на конференции и секции этих вопросов – не позволяет мне сказать, что мы сильно продвинулись в этом отношении. Но само проговаривание их и понимание необходимости дальше работать над ними дают основание думать, что за этим последует и поиск ответов – как нам выстраивать стратегии правозащитной деятельности на ближайшую перспективу.

Материалы для участников секции (подготовленные специально для работы секции)

Отчет по исследованию «Положение в обществе современного правозащитного сообщества и его идей»

*Проект Института прав человека, осуществляемый
при финансовой поддержке Фонда «Общественный вердикт»
Подготовлен Центром «ДЕМОС» для Института прав человека
(ноябрь 2004 – январь 2005)
Исполнитель – Новикова А.*

Цели исследования – оценить уровень популярности/непопулярности правозащитных идей, ассоциативных и ментальных связей, определения наиболее серьезных проблем, приводящих к отказу в доверии к идее прав человека, а также позитивных, привлекательных для общества элементов в идее прав человека. Это призвано помочь разработать эффективные социальные действия по повышению толерантности и доверия к правозащитной идее и самой деятельности.

Успешная реализация проекта должна в дальнейшем способствовать решению следующих задач:

- Разработка стратегии социальных действий по повышению доверия к правозащитной деятельности и идее прав человека.
- Разработка стратегии по повышению интереса к правозащитной тематике среди граждан (PR общественных интересов).
- Создание механизмов декодирования современной правозащитной риторики на язык социального большинства.
- Создание системы мер по повышению информированности общества о действительной деятельности правозащитного сообщества.
- Создание системы мер по трансляции позитивного опыта правозащитной деятельности, гражданской консолидации и использования правовых инструментов достижения личных (групповых) интересов.

Конкретные цели исследования – получить углубленную, точную, обоснованную информацию по поводу:

- положения идеи прав человека в обществе;
- типов восприятия прав человека среди различных социальных групп;
- ожиданий и установок граждан по отношению к правозащитной деятельности;
- информированности общества о деятельности правозащитных организаций и их лидеров;
- причин разочарования в правах человека;
- понимания гражданами существа их прав.

Задачи исследования разбиты по тематическим блокам и включают следующее:

1. Положение идеи прав человека в обществе
 - изучить информированность, популярность, уровень доверия среди разных групп населения;
 - изучить оценку деятельности правозащитных организаций и лидеров правозащитного сообщества среди представителей власти и элиты.
2. Восприятие прав человека
 - исследовать типы восприятия идеологии прав человека и изучить лидирующую группу прав;
 - установить уровень актуализации проблемы прав человека среди разных социальных групп;
 - установить группы прав, которыми граждане могут пожертвовать.
3. Ожидания и установки граждан по отношению к правозащитной деятельности
 - изучить информированность о правозащитной деятельности среди разных групп населения;
 - получить оценку эффективности и целесообразности деятельности правозащитных организаций;
 - изучить желаемые направления в деятельности правозащитных организаций;
 - изучить осведомленность граждан о лидерах правозащитного сообщества и оценку и деятельности.
4. Причины разочарования в правах человека
 - оценить причины снижения доверия к идеологии прав человека;
 - изучить доминирующие идеологические пристрастия социальных групп;
 - изучить условия, способные повысить интерес и доверие к идеологии прав человека.
5. Понимание гражданами существа их прав
 - изучить проблемные ситуации, в которых граждане говорят о правах человека;
 - изучить ситуации, о которых говорят граждане как о нарушающих их права;
 - изучить семантическое наполнение понятия прав человека среди социальных групп.

Методы исследования

Исследование строится на качественных методах сбора информации, так как многие задачи проекта требуют именно углубленного изучения проблемы и выявления доминирующих установок. Исследование носит репрезентативный характер в пределах разрешительных возможностей качественных методов социологии.

Результаты исследования не могут транслироваться на все социальное множество и не исчерпывают номенклатуру проблем. Но полученная качественными методами информация необходимым образом учитывается в обобщенном виде в отчете для последующей операционализации.

Опрос экспертов методом неформализованного интервью. Экспертный опрос позволит точнее определить ключевые проблемы, а также получить информацию о тенденциях в восприятии правозащитной деятельности среди групп элит.

Критерии для рекрутирования респондентов для участия в экспертном опросе должны отвечать основной задаче — добиться максимального разброса установок респондентов, для чего должны быть отобраны участники с разнообразным сочетанием значимых для исследования параметров.

Эксперты — *критерии для рекрутирования* респондентов:

- максимальный разброс установок;
- профессиональный опыт;
- различие в профессиональных биографиях;
- деятельность в СМИ;
- участие в избирательных кампаниях в качестве консультантов;
- интерес к происходящему в обществе;
- возрастные отличия.

Опрос обывателей методом глубинного интервью. Глубинные интервью на дому респондента (home-visits) являются одним из наилучших способов для проведения направленного углубленного интервью с целью выяснить существо декларируемых обывателями проблем и пристрастий. Респондент находится в привычной для себя обстановке, которая накладывает на него одну доминирующую социальную роль, что располагает к доверительной беседе.

Обыватели — *критерии для рекрутирования* респондентов:

- возрастные отличия;
- профессиональные отличия;
- наличие опыта правового решения проблем;
- уязвимость по правам;
- образование;
- идеологическая поддержка.

Раздел 1. Свод современных мифологий о правозащите

1.1. Уровни осведомленности о деятельности правозащитных организаций

«Их деятельность в советское время была безрезультатна. Но она проявлялась»²³.

Осведомленность о правозащитной деятельности остается на очень низком уровне. Обращает на себя внимание тот факт, что существенной разницы между экспертами и обывателями не наблюдается. При этом отсутствие разницы не означает приравнивания этих двух групп респондентов. Наиболее осведомлены только эксперты, которые связаны с правозащитным сообществом или являются его активными членами.

Последнее обстоятельство, а именно низкий уровень информированности экспертов вызывает недоумение, так как предполагается, что эксперты — это люди, которым свойственна более высокая степень рефлексии и запроса к информации. Но оказалось, что для того, чтобы рассуждать на правозащитные темы, достаточно оперировать мифологемами.

²³ Учитель русского языка.

Показательным является и тот факт, что эксперты признают доступность источников правдивой информации о деятельности правозащитных организаций. Но у некоторых опрошенных экспертов, известных как комментаторы правозащитной активности, не возникало необходимости детально интересоваться работой современных правозащитных организаций. Это обстоятельство указывает на низкий уровень интереса со стороны внешнего окружения к правозащитникам и состоянию правозащиты, а также на недостаточность усилий самих правозащитников по стимуляции этого интереса.

Рядовые граждане не имеют доступа к сетевым ресурсам и являются, в основном, потребителями телевизионных и печатных СМИ. В результате их суждения о правозащите и, шире, о правах человека основаны на скудной и несистематической информации из СМИ или информационном опыте советского времени. Тем более что *«до 90-х годов правозащитники существовали в автономном плане, не было выхода [на широкую аудиторию] до первой чеченской войны»*²⁴. *«Оно (правозащитное сообщество. — А.Н.) очень не проявленное для широкого круга людей. Мало информации о том, чем занимаются эти люди. Это проблема СМИ»*²⁵.

При этом фактическое игнорирование тематики в СМИ не компенсируется самостоятельной информационной активностью правозащитных организаций. Для большинства обывателей информационная блокада — это одна из ключевых проблем, возникающих в связи с разговором о правозащитной деятельности.

Наблюдаемая антиправозащитная риторика, усилившаяся в последнее время, некоторыми экспертами оценивается положительно с точки зрения отложенных последствий. *«Пусть путинский режим отвечает антиправозащитной риторикой (через СМИ, через Суркова), но ответ есть. Это важно для общественного сознания, так как это способствует превращению правозащитников в акторов. Из неосязаемого — в нечто реальное»*²⁶. На данный момент правозащитное сообщество остается в *«острой изоляции»*²⁷.

Но пока представления о современной правозащитной деятельности мифологичны, что, впрочем, не означает исключительно негативный характер этих представлений.

Мифологичность представлений о работе правозащитных организаций усиливают выступления правозащитников с пустыми декларациями, не обеспеченными их конкретной работой, и распространение непроверенной информации.

Можно предположить, что отмечаемый экспертами рост клиентской группы — потребителей услуг правозащитных организаций — должен приводить к снижению мифологичности представлений. Но пока охват все большего числа граждан правозащитной деятельностью не приводит к повышению уровня осведомленности.

Отметим, что граждане осознанно декларируют желание получать информацию о работе правозащитных организаций, в особенности информацию о номенклатуре организаций и их назначении. Но неизвестно, насколько декларация может означать серьезный запрос на эту информацию.

²⁴ Историк правозащитного движения в стране.

²⁵ Учитель русского языка.

²⁶ Историк правозащитного движения в стране.

²⁷ Руководитель профильной правозащитной организации.

Базовые ассоциации и их значение

Правозащитное сообщество ассоциируется с диссидентским движением советского времени и гражданской публичной активностью конца 1990-х гг. Персонализация современного правозащитного сообщества замыкается на знаковых для диссидентского движения фигурах: Алексеева, Боннэр, Ковалев и Сахаров. Еще в рамках опроса экспертов и обывателей в единичных случаях упоминались: Ганнушкина, Богораз. Отдельно следует упомянуть Новодворскую, как деятеля, прочно связанного в глазах общества с правозащитным движением. Социальная память содержит яркие воспоминания о ее публичной активности в начале 90-х гг. Экспертным сообществом она воспринимается как лидер, наиболее жестко и прямолинейно аккумулирующий идеи правозащитного толка. Но в глазах рядового гражданина фигура Новодворской не сразу и не всегда актуализируется при разговоре о правозащитниках. Основная фигура, о которой вспоминают респонденты, — Сахаров. Современные правозащитные лидеры — это люди, начавшие свою деятельность в советское время и продолжающие придерживаться тех же традиций правозащитной работы.

Доминирующее восприятие правозащитников как диссидентов, а также как последователей диссидентского движения задает, в сущности, завышенные требования к личностным характеристикам людей, работающих в правозащитных организациях. На них распространяется образ неподкупного, бескорыстного борца за правое дело, терпящего постоянное поражение.

Важно отметить, что носителем такого восприятия являются как обыватели, так и эксперты. Хотя от последних можно было ожидать более осведомленного взгляда на современное правозащитное движение.

Если для обывателей идеалом является Сахаров — человек неоспоримой интеллигентности, социального порыва, непререкаемой порядочности и безграничной честности, то для экспертного сообщества наиболее знаковой фигурой является Ковалев. Вероятнее всего, это связано с его деятельностью на посту уполномоченного по правам человека в России. Занимая высокий пост, Ковалев приобрел большой потенциал рейтинга известности.

Но и тот, и другой — люди советского времени, получившие опыт гражданского противостояния в условиях советского политического режима.

«Сейчас нет ничего, кроме диссидентов» — вот обобщенная цитата из мнений опрошенных экспертов.

1.2. Модели современного правозащитника

*«Можно неплохо зарабатывать, но он не должен стричь с этого купоны»
(лингвист, сетевой комментатор).*

*«Люди, которые упорно бьются лбом об стену по личностным показателям», «в каком-то хорошем смысле слова экстремисты»
(экономист, обыватель).*

Можно выделить два идеальных типа восприятия современного правозащитника. Это «борец» и «профессионал». При этом нет оснований говорить о том, что существует разница между носителями таких представлений. Воспри-

ятие правозащитника как «борца» свойственно и экспертам, и обывателям (так, в реальности практически все опрошенные склонны наделять фигуру правозащитника исключительными нравственными качествами). Аналогична ситуация и с моделью восприятия «профессионал». «Борец» – модель, сформированная на основе завышенных требований к личностным качествам правозащитника. Модель «профессионал» снижает общественное значение правозащитной работы.

Переход от доминирующей модели «борца» к модели «профессионал» происходит очень медленно. Пока еще можно говорить о том, что «профессионал» – это та модель восприятия, которая становится востребованной молодежью и теми, кто был молодым в начале демократических реформ, то есть нынешними 35–40-летними.

Основное препятствие для смены базовых стереотипов восприятия заключается в отсутствии адекватного информационного образа правозащитной активности, аккумулирующего совокупное мнение граждан.

Критерии долженствования для соответствия базовым моделям современного правозащитника (сборник цитат)

«Борец»	«Профессионал»
Личностные качества	
Альтруисты, работающие на голом энтузиазме	Не пытаться быть популистом в свою пользу
Революционер	Профессионалы как юристы
Честность, искренность, открытость для людей	Специалист – оплачиваемый доброволец
Интеллигент декабристского толка	Интриганы в пользу общественного мнения
Бессребреники	Экспертность
Тот самый чудак, на котором держится наша земля, по крайней мере в нашем государстве	Заинтересованный
Совесьть человеческая	Широкий кругозор
Идейные люди	Точен в изложении фактов
Героизм	
Отсутствие чувства социального самосохранения	
Абсолютно неподкупный человек	
Аскетизм в быту	
Правдолюбцы	
Крикливый	

«Борец»	«Профессионал»
Тип деятельности	
Современным правозащитникам нужен поступок	Подсказывать населению
Продолжить борьбу против диктатуры	Следить, что происходит в стране
Формировать достоинство у людей	Создавать общественное мнение в стране
Внутренняя профессия	Лоббирование законов в интересах граждан
Бескорыстно служит человеку	Поиск механизмов экспертной оценки
Люди, которые борются за определенную идею	Профессионально заниматься благом других людей
Люди, которые горят желанием помочь народу	Великолепно владеет законами
Если человек кинулся в общественную деятельность, то он должен привыкнуть к тому, что он многое делает задаром	Размер оплаты зависит от того, сколько времени человек отдает работе
Это не способ зарабатывать деньги	Реально оценят ситуацию
Это не профессия, а образ жизни	Выявлять проблемы и ставить их как общие правозащитные задачи
Принципиальное противопоставление себя государству	Должны переиграть официальную систему
Чрезвычайно предан своему делу и рискует	Перестать чистить свои перышки и работать с властью
Добиться показательного решения той или иной проблемы	Наличие продукта или программ развития
Готов защищать достоинство любого другого человека	За разъяснением – к правозащитнику (раздел имущества, нанесение ущерба, затопили)
Отстаивание непримиримой позиции	Помощь в решении проблем
Готов быть там, где он полезен	Знают законы и права и могут рассказать
	Определенный уровень знания
	Навыки работы со СМИ

Люди, которые видят в правозащитнике «профессионала», составляют значительную часть. Это те граждане, которые идеологически никак не ангажированы, безразличны к политической жизни. Для них главное – иметь возможность воспользоваться его услугами для решения своих, сугубо личных, конкретных проблем. Они готовы знать больше о своих правах, но в первую очередь они бы хотели иметь сподручный инструмент для решения своих проблем наиболее низкокзатратным способом.

Это во многом связано с тем, что этим гражданам не свойственен алармизм в оценках ситуации в стране и обществе, они вполне привычно воспринимают блага, полученные в постсоветское время. Критика существующего положения не оперирует, даже в упрощенной форме, риторикой правозащитных ценностей. В первую очередь, не устраивают преграды на пути к счастью, воспринимаемому часто в материальных категориях.

«Борец» — образец глубокого уважения для консервативной части общества, по преимуществу людей старшего возраста. Многие из них получили первые сведения о правозащитниках в диссидентский период.

1.3. Оценка современных правозащитных организаций

«Они где-то копаются у себя на работе, что-то делают»²⁸.

Эксперты, вне зависимости от оценки эффективности работы современных правозащитных организаций, единодушны в признании необходимости и позитивного значения самого факта существования правозащитных организаций. Ценность наличия в стране правозащитного сообщества заключается в символическом обозначении проблемы противовеса власти. Речь идет о том, что вне зависимости от того, что конкретно делается правозащитниками и какими способами, они должны существовать в обществе, напоминая власти и гражданам о наличии предела приложения властных, государственных полномочий.

Основная заслуга правозащитных организаций именно в том, что они были и продолжают работать.

«Подобно тому, как я считаю, что даже дурное государство лучше отсутствия государства, так и несовершенная и ошибочная правозащита лучше, чем отсутствие полное правозащиты. Они, по крайней мере, знаково маркируют необходимость какого-то баланса между государством и обществом. Если в какой-то проблеме государство усиливает свой необходимый контроль над гражданами, то где-то на другом направлении надо, чтобы усиливался какой-то реальный контроль граждан за государством. Правозащитные организации сами, своим существованием напоминают обществу о том, что есть эта проблема».²⁹

Тот факт, что многие эксперты придерживаются такой точки зрения, указывает на две взаимосвязанные проблемы:

- дефицит информации о повседневной конкретной работе правозащитных организаций, а с точки зрения обывателей — полное отсутствие информации о результатах деятельности правозащитников;
- высокая степень мифологичности представлений, которая является закономерным результатом низкой информационной активности самих правозащитников, закрытостью СМИ и отсутствия серьезного интереса со стороны внеправозащитного экспертного сообщества.

²⁸ Продавец-консультант.

²⁹ Главный редактор литературного журнала.

В связи с этим становится понятным, почему диапазон оценок современного правозащитного сообщества и его деятельности не выходит за рамки негативного поля и изменяется от категорического до сдержанного и критического. Если речь идет о правозащитных организациях, то неочевидность для общества результатов их деятельности предопределяет негативизм и пессимизм в оценках.

В результате правозащитникам отказывают в эффективности, упоминая лишь немногочисленные заслуги, связанные с законодательной работой, такие как закон о защите прав потребителей, закон об альтернативной гражданской службе. Деятельность же правозащитников, направленная на изменение «наркотического» законодательства, пока еще не получила огласки. Работа правозащитников с гражданами, оказание им правовой помощи, защита их интересов в судах и пр. совершенно неизвестна, что говорит о полной неосведомленности.

Причины отказа правозащитникам в эффективности их работы являются одновременно внутренними проблемами самого сообщества. Единственная причина, имеющая в этом смысле внешнее по отношению к правозащите происхождение, связана с процессами дискредитации демократических ценностей, неотъемлемой частью которых являются правозащитные идеи. *«В течение 90-х гг. правозащитная риторика и язык девальвировались, так как демократические ценности преподносились в “пакете”»³⁰.*

Дискредитация демократических ценностей

Дискредитация демократии является результатом неоправданных надежд на скорое улучшение жизни большинства граждан. Отсутствие быстрых и видимых экономических успехов обратило недовольство граждан на демократические реформы, которые сулили перемены, а привели к еще большему ухудшению жизни. Требование перемен в стране как залога спасения от распада и деградации социального статуса людей были основными мотивами гражданской мобилизации в конце 80-х гг. *«Люди выразили испуг, а форму этому испугу придали демократы. В этой сложной ситуации нашлись люди, которые показали ориентиры. Плюс демократов был в том, что они обещали перемены, необходимость которых осознали все. Но в дальнейшем испуг прошел, масса пришла в исходное состояние»³¹.*

Поспешная девальвация демократических ценностей стала возможна и в результате того, что с началом демократизации они были приняты на веру и совершенно не отрефлексированы. Наблюдалось только внешне выраженное согласие общества с тем, что ценности прав человека — это хорошо, а насилие — плохо³². Но в первую очередь обществу нужно было, чтобы его «вытащили из болота», из ситуации разрушения повседневного порядка. Людям нужна была уверенность в завтрашнем дне, которая давала им возможность чувствовать себя свободными. Это тот род свободы, который не предполагает ответственности.

³⁰ Историк правозащитного движения в стране.

³¹ Представитель социологического сообщества. Прикладной исследователь.

³² Историк правозащитного движения в стране.

Современная демократизация жизни требует ответственности и конкурентоспособности. Граждане оказались к этому не готовы. Речь идет именно о том, что произошло эмоциональное отторжение ценностей демократии, поскольку для граждан демократия была «конфетой в красивой обертке», которую «развернули и увидели ответственность»³³.

Внутренние причины или проблемы правозащитного сообщества

Взгляд правозащитников

- **Отсутствие общей консолидированной идеи.** «Нам нужна своя национальная идея»³⁴. Многие «правозащитные» эксперты видят в слабости современного правозащитного сообщества невозможность выработки консолидированных мнений, основанных на разделяемых всеми приоритетах. Единогласного, организованного сообщества не получается именно в силу невозможности быстро и непротиворечиво реагировать на вызовы окружающей среды. «Мы так же дезориентированы, как и все остальные граждане»³⁵.
- **Разобщенность сообщества.** Безусловно, что эта проблема является препятствием для консолидации правозащитного сообщества и разработки общей идеи.
- **Теоретизирование, не подкрепленное активной и конкретной работой с гражданами.** Ожидания общества требуют обратного. Во главу угла должна ставиться помощь конкретным людям, а в дальнейшем опыт работы с гражданами должен осмысляться и должны делаться общие «правозащитные» выводы, формулироваться проблемы на лоббирование гражданских интересов. Или, по крайней мере, «теоретизирование» не должно быть самодостаточным. «Не только теоретизирование, хотя оно тоже нужно. Но есть организации, которые работают только так: вызывают на интервью, потом говорят спасибо и предлагают человеку дальше голодать. Помогать ему они не собираются»³⁶.
- **Профессионализация сообщества.** Отказ в легитимности экспертных правозащитных организаций связан с продолжающейся профессионализацией сообщества. Современная ситуация такова, что роли и значения различных правозащитных организаций еще не стали устойчивыми, организационная структура самого сообщества еще не до конца сформировалась. Это означает, что отсутствуют четкие отлаженные связи, что приводит к неясности во взаимодействиях между организациями и усиливает разобщенность сообщества.
- **Отсутствие планомерной работы с внутренними финансовыми источниками.** Правозащитники должны быть активны в поиске внутреннего финансирования и способствовать созданию системы внутренней финансовой поддержки. Такая работа должна быть направлена на государственные и бизнес-структуры.³⁷

³³ Руководитель региональной правозащитной организации.

³⁴ Руководитель профильной правозащитной организации.

³⁵ Руководитель профильной правозащитной организации.

³⁶ Руководитель профильной правозащитной организации.

³⁷ Руководитель региональной правозащитной организации.

- **Профессионализм и компетентность.** «Деятельность правозащитников должна быть профессиональной и опираться на юридическую базу. Без этого деятельность бессмысленна. Те времена, когда выходил неграмотный человек и на суде пытался что-то выкрикивать, устраивать из суда шоу, те времена должны отойти в прошлое»³⁸. Помимо очевидной важности этих требований, повышение профессионализма, в том числе, в методах работы с властью и СМИ, является условием повышения социального статуса правозащитного сообщества, превращения правозащитников в партнеров и конструктивных оппонентов власти, в субъектов, воспринимаемых окружающим миром всерьез.
- **Отсутствие планомерной, постоянной и системной PR-активности правозащитников.** Это требование момента, учитывая, что для современного общества характерен плотный и насыщенный поток информации, приводящего к мозаичности и фрагментарности восприятия реальности. Отдельные, всегда внезапные сообщения от правозащитников остаются зачастую незамеченными обществом. В результате «люди отстранены от правозащитников»³⁹.

Взгляд внешних экспертов

- **Односторонность.** Правозащитников упрекают, а иногда и обвиняют в односторонности позиции. Жестче эта критика звучит как «двойной стандарт». Наиболее отчетливо эта проблема проявляется в связи с оценкой деятельности правозащитников в Чечне. Их обвиняют в том, что они не обращают внимания на нарушения прав не-чеченцев. Чеченцам отказывают в том, чтобы именоваться уязвимой группой.
- **Недостаток работы с уязвимыми группами.** Внешнему сообществу экспертов работа с уязвимыми группами видится как основная для правозащитников. Причем речь идет о тех, кто беззащитен в силу объективных показателей: дети, женщины, призывники, заключенные. Те, кто беззащитен и является одновременно специфически дискриминируемой группой, выносятся за рамки приоритетной работы правозащитников с уязвимыми группами (чеченцы, шире – представители этнических групп, бездомные, психически нездоровые люди).
- **Западное финансирование.** Репутация правозащитного сообщества серьезно страдает из-за существования на средства зарубежных доноров. При этом эксперты считают, что популярность правозащитных организаций, повышение их статуса в обществе во многом зависит от увеличения доли отечественного финансирования. Отметим, что для обывателей – это в лучшем случае второстепенная проблема. Чаше они вообще не рассматривают происхождение финансирования, равно как и само финансирование как проблему или вопрос, на который им хочется найти ответ. Для обывателей это неважно.
- **Критика государства вместо обращения к гражданину.** С точки зрения экспертов, правозащитники не правы в том, что основным объектом сво-

³⁸ Руководитель профильной правозащитной организации.

³⁹ Судья Конституционного суда РФ.

ей критики избрали государство. Риторика правозащитников игнорирует гражданина в его повседневной ситуации, а критика власти превращается в критику государства как такового, а не отдельных практик государственных органов.

- **Отсутствие видимых результатов.** Деятельность правозащитников направлена на самих себя и не имеет выходов вовне. Обществу неясно, чем занимаются правозащитники и чего они достигли в своей работе.
- **Политизированность.** Смежная с предыдущей проблема. Сплошная критика политического режима при отсутствии видимых результатов деятельности, четкая ассоциация правозащитников с демократическими партиями создают им образ публичных политиков и общественных деятелей, а не правозащитников. Некоторые эксперты подозревают отдельных правозащитников в использовании правозащиты как способа сделать (начать) карьеру политика.
- **Меркантилизм.** Легитимность правозащитных организаций ставится под сомнение, так как эти организации образуются на основе карьерных, прагматических, финансовых соображений, но не на основе единомыслия, желания перемен и альтруизма. *«Есть люди — альтруисты. Но большинство — меркантильны, работают для получения грантов. Поэтому эффект не слишком велик. Мало альтруизма»⁴⁰.*
- **Оплата труда и привилегии.** Участие в работе правозащитных организаций было очень заманчивым и приводило к существенному росту благосостояния и символического капитала, что, по мнению экспертов, склонных к переоценке модели «борец» (см. выше), плохо совместимо с ролью правозащитника.
- **Профессиональная беспомощность.** Стремление правозащитников сохранить свои позиции и ресурсы, а также воодушевление от благих целей своей работы ставит в подчиненное положение работу над экспертным и профессиональным ростом организаций. *«У нас благородная задача, а тут заусенец какой-то»⁴¹.*

Взгляд обывателей

- **Отсутствие информации о работе правозащитных организаций.** Обыватели сетуют на то, что им практически ничего неизвестно о современных правозащитных организациях. Это проблема недостатка информации о правозащитниках и ее несистематичности.

1.4. Типы правозащитных организаций

Отметим, что организации, которые упоминались внешними экспертами — это «Мемориал», Московская Хельсинкская группа, Комитет солдатских матерей. По разу упоминались «Нет алкоголизму и наркомании», «Гражданское содействие», «Защита детства и материнства».

Обыватели не осведомлены практически ни о каких организациях, кроме «Мемориала».

⁴⁰ Представитель социологического сообщества. Прикладной исследователь.

⁴¹ Лингвист. Сетевой публицист.

Типы правозащитных организаций

Эксперты	Обыватели
<p>АКТИВИСТ. Это организация – «театр одного актера», когда один человек и составляет всю организацию. <i>«Один человек, иногда привлекающий волонтеров. У него есть знакомый бухгалтер. Он известен у себя, ведет себя как публичная фигура»⁴²</i></p>	<p>ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРУКТУРА Правозащитные организации – это казенные конторы, которые созданы для правовой помощи гражданам. В представлениях граждан защита прав – всегда и неизменно функция государства. Это мнение разделяют лояльные политическому режиму граждане</p>
<p>ГРУППА МЕРКАНТИЛЬНЫХ ГРАЖДАН. Это организации, костяк которой составляют проходимцы, далекие от идей прав человека. <i>«У нас граждане слишком бедны, чтобы быть альтруистами. На альтруизме такого количества организаций не возникает как сейчас в России»⁴³</i></p>	<p>ЮРИДИЧЕСКАЯ СКОРАЯ ПОМОЩЬ Правозащитные организации подменяются бесплатными юридическими конторами. Отличие в том, что граждане не допускают мысли, что им могут отказать в консультации</p>
<p>«ГРАНТОЕДЫ». Задача таких организаций – Освоить гранты, неважно с каким результатом. <i>«Это группа людей, которая разрабатывает программы и проекты, под которые можно получить зарубежное финансирование в аналогичных фондах, а потом как бы на полученные деньги она в меру сил старается эти программы реализовать»⁴⁴</i></p>	<p>БОРЦЫ ЗА ПРАВДЕННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ Правозащитные организации созданы для того, чтобы исчезнуть в борьбе за справедливость, высокие принципы и народ</p>
<p>ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ. Основа такого представления в том, что правозащитная работа приравнивается к социальной помощи</p>	
<p>КОНТОРА. Правозащитные организации ничем не отличаются от любых других профессиональных организаций, только лишь сферой деятельности, которая не оказывает серьезного влияния на саму организацию</p>	

⁴² Руководитель региональной правозащитной организации.

⁴³ Представитель социологического сообщества. Прикладной исследователь.

⁴⁴ Главный редактор литературного журнала.

Раздел 2. Отношение к праву и закону

У обывателя нет устойчивого и глубокого представления (мнения) о своих правах как таковых, как нет и (у большинства) осознания ценности прав и свобод. В массовом сознании также нет четкого разграничения *права* и *закона*. «У нас очень распространены представления, что право — это то, что разрешает закон»⁴⁵.

Понимание прав носит предельно конкретный и индивидуалистичный характер, не связывается с осознанием ценностей прав человека как таковых, что может снижать эффективность правозащитной риторики. «Я не могу себе представить у нас ни одного человека, который в случае ущемления его прав стал бы апеллировать к ценностям прав человека. Он бы сказал, что нарушено какое-то конкретное мое право, допустим, на жилье, что-то конкретное, его личное»⁴⁶.

Обыватели и эксперты указывают на субъективную значимость естественных (право на жизнь, безопасность) и социально-экономических прав (право на медицинское обслуживание, образование, труд, достойную оплату труда и пр.), но ценность гражданских прав и свобод очевидным образом снижена и в той или иной степени осознается лишь представителями либеральной интеллигенции и самими правозащитниками.

Наиболее остро обывателями — носителями либеральных убеждений переживаются ограничения свободы слова и СМИ, также они испытывают тревожные ожидания по поводу возможных серьезных ограничений свободы передвижения. «Я хочу видеть мир таков, каков он есть. А не так, как мне об этом рассказывают»⁴⁷ — основа ценности свободы передвижения. Но недовольство уязвимостью гражданских прав высказывают в редких случаях.

Вместе с тем эксперты также отмечают специфичность молодежи в восприятии прав человека: эта социальная группа (особенно школьники и студенты) демонстрирует относительно более выраженный интерес к гражданским правам и свободам.

В основном обыватели сосредоточены на конкретной группе прав, которые одновременно являются формами защиты семьи — жилье, медицина, безопасность, образование, прожиточный минимум, достойное вознаграждение за работу. Во главу угла поставлены «право на жизнь, свободу и стремление к счастью».

Только под свободой граждане, как правило, понимают уверенность в завтрашнем дне. Защита личной неприкосновенности, которая имеет статус безусловной ценности у обывателей, в сущности, означает невмешательство в размеренный порядок жизни и свободу поступать так, как граждане считают целесообразным для достижения личного и семейного благополучия. «Устраиваться с комфортом за свой собственный счет, не задевая других людей» — вот жизненное кредо многих обывателей.

В связи с этим становится понятным, почему нарушением своих прав многие обыватели склонны считать те ситуации, которые идут вразрез с их интересами. «Нарушение моих прав — это несогласованность с моими интересами», сказал один из респондентов⁴⁸.

⁴⁵ Судья Конституционного суда РФ.

⁴⁶ Главный редактор литературного журнала.

⁴⁷ Пенсионер, учитель английского языка.

⁴⁸ Продавец-консультант.

Все это ряд экспертов склонны объяснять вовлеченностью большинства людей в борьбу с бедностью и поддержание социального статуса — своего и своей семьи. *«Большинство людей наших озабочено текущими проблемами, как дожить от полочки до полочки, проблема бедности останавливает людей на пути к правозащитному сознанию: как я могу свободным, если я нищий»*⁴⁹. *«Страна заставляет людей крутиться вокруг себя, заставляет жить для себя»*⁵⁰.

При этом права стойко ассоциируются с обязанностями государства по их обеспечению, что придает правовому сознанию подчеркнуто пассивный характер — *«я имею право, и мне обязаны его обеспечить»*.

Устойчивый характер этих ассоциаций сохраняется за счет того, что большинство граждан, в том числе и либерально настроенные, воспринимают права как нечто, отпущенное им государством. Таким образом, права — это те границы, которые для граждан определило государство. Поэтому граждане относятся к правам как к *правилам*, которые регулируют их персональную социальную активность. Причем активность во взаимоотношениях с государством, а не в обществе. Этим, в том числе, объясняется отстраненность граждан от государства, которое для них выступает не только источником права, но и самих прав человека. Часто граждане согласны с мнением, что им нужно знать свои права, чтобы оставаться законопослушным гражданином.

При этом уровень осведомленности о законодательстве в целом низкий, но эксперты единодушны во мнении, что граждане быстро обучаются законам в случаях, когда того требует личные обстоятельства. Но самостоятельное обучение не всегда приводит к знанию законодательства. Знание законов заменяется мифами о них и/или знанием установившейся правоприменительной практики. Те мифы, которые имелись у граждан о содержании законов, заменяются другими мифами после их прочтения. По мнению одного из экспертов, *«у людей нет юридической системы»*⁵¹, имея в виду общие правовые знания. Очевидно, что добиться ситуации, когда граждане в своем большинстве будут просвещены в правовом отношении, практически невозможно. Тогда проблему просвещения можно решить, организовав сеть бесплатной или низкокзатратной юридической помощи⁵².

При этом обыватели декларируют желание повышать свою правовую грамотность, обосновывая свои стремления насущной необходимостью. *«Раньше права обеспечивались по минимуму. Людям не нужно было задумываться. По минимуму обеспечивались в равной мере для всех. Но сейчас везде в повседневной жизни мы должны знать свои права»*. Тем не менее в редких случаях намерения самообразовываться реализуются.

Между тем знание законов может оборачиваться вспомогательным средством для грамотного внеправового поведения. Граждане склонны решать проблемы внеправовыми способами в виду их большей эффективности: *«Мне так проще, мне так дешевле, я и не думал делать по правилам»*⁵³. Сложности, связанные с восстановлением нарушенных прав, неуверенность в положительном результате ин-

⁴⁹ Общественный деятель.

⁵⁰ Продавец-консультант.

⁵¹ Руководитель региональной правозащитной организации.

⁵² Руководитель региональной правозащитной организации.

⁵³ Продавец-консультант.

ституциональных действий по их защите заставляют многих обывателей отдавать предпочтение внеправовым, внеинституциональным способам решения своих проблем. Многим такой выбор видится единственно верным и обосновывается стремлением сохранить чувство собственного достоинства. *«Беспомощность взрослых бьет рикошетом по детям. И дети вырастают с генетическим ощущением, что невозможно ничего добиться»*⁵⁴. И именно по этой причине способы, которые используются для защиты своих прав, ставятся в подчиненное положение по отношению к цели.

Раздел 3. Мобилизационный потенциал правозащитной идеологии

«Мы общество потеряли, это правда. Вот как его обрести — я не знаю»
(руководитель профильной правозащитной организации).

Из-за игнорирования в СМИ правозащитной темы суждения многих обывателей основаны на спонтанных реакциях на вербальные конструкции «правозащитная деятельность», «правозащитные организации», «правозащитник». Те обыватели, которые помнят деятельность диссидентов, выносят суждения, отталкиваясь от этой информации.

Тем не менее важно подчеркнуть, что в основном реакции позитивные, а пропагандистские кампании в СМИ, судя по всему, не получили эффекта. Последнее обстоятельство объясняется тем, что обывателям свойственна аполитичность, даже сознательное самоотстранение от политики. Они отказываются воспринимать правозащитную тематику в СМИ не потому, что не хотят изменять свои представления о правозащитниках, а потому, что активно не хотят ничего слышать про политику. Такую позицию обыватели объясняют чувством самосохранения, понятным, если вспомнить *«омерзительную политическую жизнь 90-х годов»*⁵⁵. *«Выход — не думать об этом»*⁵⁶.

Помимо аполитичности, обыватели идеологически безразличны. Идейная самоидентификация имеет внезапный и потому временный характер. Внезапный — потому, что возникает в критических ситуациях, угрожающих нарушить размеренный порядок жизни. Идеологическую неангажированность обывателей подпитывает и нечетко выраженное и не структурированное идеологическое разнобразие нашего общества. Люди дезориентированы и в такой ситуации предпочитают не задумываться над политическими вопросами.

Многими экспертами молодежь, студенчество, школьники воспринимаются как потенциал для приложения мобилизационных усилий правозащитников. Для этого существует несколько причин. Молодежь:

- социализировалась в постсоветских условиях;
- открыта новой информации;
- не имеет опыта самостоятельной жизни, не нагружена решением бытовых и повседневных проблем.

⁵⁴ Учитель русского языка.

⁵⁵ Историк правозащитного движения в стране.

⁵⁶ Продавец-консультант.

Часто можно встретить суждение, что обыватели безразличны к происходящему в обществе, что их не волнуют проблемы, выходящие за рамки их повседневной жизни. Это представление ошибочно, обыватели озабочены социальными проблемами и равнодушны к трудностям других людей.

Гражданская пассивность является не результатом безразличия и гражданской незрелости граждан, а тем, что они каждый день живут целеустремленной жизнью. Оставляя за скобками содержание и пафос этих целей, стоит подчеркнуть, что целеустремленность — одна из базовых характеристик российского обывателя. Речь не идет о нужде или удовлетворении витальных потребностей — здесь у большинства жизнь более или менее наладилась. Людям, пережившим социально-экономические катаклизмы и испытавшим идеологический всплеск начала 90-х гг., сейчас важно сохранить достигнутый за последние три-четыре года уровень финансового и бытового благополучия.

3.1. Гражданская активность обывателей

В основе индивидуальной гражданской активности лежат «эмоции отрицательного состояния», а не само по себе несогласие с действиями и решениями властей. Эти эмоции нужно воспринимать как сложно структурированную.

Схематично это выглядит следующим образом: на первом этапе возникает *раздражение* от действия властей. При возникновении сложностей в повседневной жизни раздражение сменяется *недовольством*. Недовольство начинает возрастать и перерастает в *возмущение*. Публичная гражданская активность выливается в протест. Но для этого необходимы два условия:

- возмущение испытывает не один человек, но и окружающие его люди;
- возмущение и сложность ситуации нельзя перетерпеть.

Процесс может быть ускорен, если действия и решения властей прямо нацелены на разрушение повседневной ситуации граждан (например, резкое снижение пенсий, отмена льгот, невыплата заработной платы).

Эмоциональное восприятие действительности создает ограничения для гражданской активности. Во-первых, требуются ощутимые последствия от политики властей, во-вторых, необходимо испытать их на себе, в-третьих, необходимо, чтобы на себе их испытало некое множество людей. А негативный характер эмоции приводит к тому, что доминирующим типом гражданской активности становится протест.

Некоторые эксперты аналогичным образом объясняют зарождение диссидентского движения в Советском Союзе. «За диссидентством ранним таким стояли какие-то личные такие устремления каждого отдельного конкретного человека, который вступал на этот путь. Может быть, желание самоуважения, самореализации, какой-то оскорбленной гордости или вот. Какой то вот такой личный, некорпоративный интерес или мотив. А именно вот личный. И такие люди, они находили друг друга, и уже дальше происходила такая самоорганизация»⁵⁷.

⁵⁷ Главный редактор литературного журнала.

Выводы

Изложение современных мифологий о правозащите показывает одновременную ошибочность и правдивость этих мифов. Под «мифологиями» подразумевается тот факт, что эксперты и респонденты оперируют *фрагментарной* информацией. У них, в особенности у обывателей, нет ясной системной картины. Но это не означает, что все их суждения не имеют отношения к действительности. Напротив, многие из них весьма точны и верны. Мифологические суждения обывателей проявляют их ожидания от правозащитных организаций, соответствие которым может обеспечить социальный успех и признание правозащитным организациям, а также фиксируют негативные стереотипы, на борьбу с которыми могут быть направлены усилия правозащитного сообщества.

Основное ожидание граждан – помощь в решении конкретной проблемы. Различия заключаются в том, что молодежь считает верным предварить приходом в правозащитную организацию свои действия по защите и восстановлению прав, а старшее поколение оставляет правозащитников на крайний случай, когда оно убедится в своей абсолютной беззащитности. Это особенно относится к представителям старшего поколения, усвоившим образ диссидентской борьбы. *«Я лояльна к государству. Если нарушают мои права, то я обращаюсь в государственные учреждения. Мне же государство должно помочь. Обращение к правозащитникам – всегда вызов государству»*⁵⁸. Получается, что рассуждения молодых, не осведомленных о диссидентах и не имеющих, в сущности, никаких сведений о современных правозащитных организациях, более рациональны в выборе схем защиты и отстаивания своих прав. *«Сначала – к правозащитникам. Они все расскажут, разъяснят, помогут составить жалобу, а потом к местной власти, а потом в суд – заодно и на местную власть»*⁵⁹.

В связи с ожиданиями граждан увеличение работы с конкретными людьми с их конкретными проблемами и распространение информации об этой деятельности – это способ легитимации деятельности правозащитников.

Вместе с тем, обывателям не совсем понятно или вовсе неизвестно об общественном значении правозащитных организаций. Здесь ключевую роль приобретает риторика правозащитных организаций, транслируемая их лидерами. Это информационное поведение, направленное на создание и поддержку образа правозащиты. PR именно организаций и их роли во взаимодействиях общества и власти. Важно, чтобы информационная активность лидеров не приносила исключительно им увеличения публичного ресурса в ущерб организациям, которые они призваны представлять.

Результаты исследования позволили выделить две доминирующие модели (два идеальных типа) современного правозащитника. Проблема состоит в том, чтобы согласовать эти два идеальных типа. «Борец» – это статус профессии, задающий высокие требования к личностным качествам правозащитников. «Профессионал» – это содержание и требования к их деятельности. Между этими моделями существует внутренний конфликт, так как проблематично согласовать профессионализм, например, с энтузиазмом и нестяжательством. В идеале необ-

⁵⁸ Преподаватель английского языка, пенсионерка.

⁵⁹ Продавец-консультант.

ходимо гармонично соединить эти два типа. Вариант, проговоренный одним из экспертов – «*Специалист – оплачиваемый доброволец*»⁶⁰. При этом важно, чтобы оплата труда правозащитника была соразмерной и не выходила за общедоступный уровень зарплат, а работа не приносила выгоды и не давала преференций.

Упомянутые ограничения в определенном смысле являются результатом информационного дефицита, который сохраняет без изменений структуру лидерства правозащитного сообщества. Лидеры – это диссиденты, своим жизненным опытом определившие стандарты «правозащитной» личности. Можно предположить, что требуется частичное обновление структуры лидерства, в противном случае завышенные ожидания общества будут сохраняться.

Профессионализация сообщества, являясь объективным процессом, одновременно спровоцировала разобщенность правозащитников, рассогласованность в их действиях и внутреннюю конкуренцию. Сообщество не перестает осознавать себя таковым, но не в состоянии оперативно и непротиворечиво реагировать на внешние вызовы. Требуется разработка консолидированного мнения, утверждение приоритетов – задачи, в реальности с большим трудом выполнимые по причине принципиально горизонтального характера самого сообщества.

Главная задача правозащитников – самостоятельно рассказывать о себе. Понятны трудности, связанные с закрытостью СМИ и периферийным характером «правозащитной» темы для них. Но это не отменяет самостоятельной информационной активности правозащитников, требующей, как минимум, кропотливой, профессиональной и постоянной работы с журналистами, создания новых контактов со СМИ и поддержания старых и пр.

Необходимо повышать осведомленность общества о правозащитной деятельности. Но это не означает, что надо просто увеличить информационное присутствие. Таким образом можно получить только увеличение числа мифов. Необходима системная работа по донесению результатов и своих ценностей, по трансляции индивидуальных позитивных, результативных опытов правовой активности граждан, а также работа по популяризации макроуспехов правозащитников (например, принятие «наркотических поправок»).

Позитивные реакции общества на правозащитников и правозащитную деятельность не основаны на усвоенной гражданами информации. В некотором смысле, обыватели на сегодняшний момент – *tabula rasa*. Это может привести к тому, что граждане окажутся восприимчивы к любой другой информации, в том числе негативной. В этом смысле наиболее уязвимая группа – молодежь. Молодежь как потенциал поддержки правозащитных идей при этом является наиболее динамично развивающейся группой, которая подвержена быстрой смене идейных предпочтений. Поэтому работа с молодежью требует усиленного и постоянного ее просвещения.

Риторика правозащитников должна измениться и учитывать разные типы получателей информации. Как минимум, это обыватели, экспертное сообщество и власть. Каждый из них подразумевает определенный жанр сообщения. Если для экспертов и властей годятся экспертные и научные тексты, то гражданам требуется неусложненная публицистика.

⁶⁰ Общественный деятель.

Гражданам не свойственна рационализация происходящего. Они в большей степени воспринимают события и факты эмоционально. В соответствии с этим требуется и изменение риторики. Тексты должны быть эмоциональными и декодированными с правозащитного языка на язык человеческого общения. Недовольство граждан, их критика не оперирует риторикой правозащитных ценностей, даже в тех ситуациях, когда правозащитная проблема налицо. Впрочем, декодирование не означает примитивизации и изменения правозащитного содержания. Тексты по форме должны быть простыми и эмоциональными, обращенными к каждому конкретному человеку, по содержанию — правозащитными, с акцентом на правозащитные проблемы.

В центр правозащитной риторики должно быть поставлено многозначное понятие достоинства человека. Проблемы человеческого достоинства находят живой отклик у обывателей, и одновременно достоинство человека является базовым понятием теории прав человека. Обращаясь к каждому человеку, необходимо говорить об общих проблемах. Цель такого обращения — убрать преграды для солидарности и формировать ценности осознанного коллективизма. Пока еще устремления граждан остаются индивидуалистическими.

Представляется целесообразным отказаться от антигосударственной риторики. Критика конкретных политических действий конкретных политиков и должностных лиц может быть сколько угодно беспощадной при условии, что эта критика действительно конкретна и акцентирована на интересе гражданина. Это неполитическая риторика, но критика политики, идущей вразрез с интересами и правами человека.

Целесообразно четче размежеваться с политическими идеологиями. Безразличие граждан к политике также задает это направление. В противном случае правозащитная риторика превращается в формальную, клишированную и предсказуемую, не воспринимаемую гражданами как обращенную к ним.

В 90-е гг. политическое и демократическое развитие российского общества происходило в условиях отказа общества жертвовать бытовым комфортом ради надличностных целей величия страны. Поэтому правозащитники воспринимались как социально близкие люди, которые способны понять, озвучить и отстаивать устремления обычных граждан.

Правозащитники не почувствовали изменения в настроении общества, когда политическая риторика и критика государства перестала быть востребована гражданами. Основная часть граждан лояльна к происходящему в стране, так как не успевает сосредоточиться на политической жизни. Безусловно, любые протесты и формы гражданской активности, усвоенные гражданами, всегда политические. Например, на митингах часто экономические и социальные требования перерастают в политические. Но сейчас граждане не хотят политического протеста, а восприятие неполитической гражданской активности отсутствует, она не усвоена общественным сознанием.

В то же время из-за нерешенности в стране многих социальных, экономических вопросов, затрагивающих большинство граждан, требования реализации социально-экономических прав остаются на высоком уровне, при том что доверие к демократическим институтам и средствам решения проблем остается на низком уровне.

Еще раз подчеркнем: вышесказанное вовсе не означает призыва изменять ценностям и целям правозащитной деятельности в угоду повышения «популяр-

ности» правозащитного сообщества в глазах широкой общественности. Напротив, только через налаживание полноценного диалога с обществом правозащитники могут сегодня добиться утверждения ценности прав человека и эффективности своей работы.

Правовое государство и права человека

*Материал подготовлен Институтом прав человека
на основе российских опросов, имеющих в открытом доступе*

Социологические опросы показывают достаточно устойчивые тренды в отношениях наших сограждан к тому, что условно обозначается как правозащитная тематика. В настоящем обзоре выборочно представлены результаты ряда этих исследований.

Основные **социально-культурные группы**, их установки и отношение к гражданской активности

- Принято отмечать противоречие последних лет — между заметным расширением возможностей социальной самореализации людей, снятием многих ограничений их гражданской активности и не отвечающей им, а то и убывающей востребованности подобного рода возможностей.
- Изменения, происходящие в российском обществе, характеризуются практическим отсутствием горизонтальных связей, формируемых по моделям гражданского общества, отсутствием устойчивых социальных конструкций.
- Мобилизационный компонент современного общества остается крайне низким и ограничивается преимущественно сферой локальных интересов. Наблюдается практически нулевая мобилизация вокруг тех или иных систем идейно-политических ориентаций.
- Перечень базовых социально-политических ценностей позволил выявить пять кластеров с разного типа ментальностью: традиционалисты, анархисты, либерал-индивидуалисты, традиционные консерваторы и либерал-неоконсерваторы.
- Исследование на основе 15 пар альтернативных понятий показывает наличие двух существенных групп: приверженцев либерального (ценности личности, свободы, изменения, инновации) и этатистского (ценности защищенности, общности, порядка, стабильности, общей культуры) комплексов. Однако важно, что отмечается одинаковый рост неуважения к закону — как у «либералов», так и у «этатистов».

Гражданская активность населения

В целом в современной России нет дефицита людей, ориентированных на активное поведение. Такие люди составляют значительную долю населения с отчетливо выраженными мотивациями и сравнительно высоким уровнем социальной мобильности. Однако это не социальный монолит — скорее, конгломерат многих сегментов общества с разными возможностями, условиями и ориентирами.

На передний план в мотивационной составляющей социального действия выходят те или иные цели и критерии жизненного успеха. Наиболее значимые из них сегодня – богатство, творческая самореализация, стремление к независимости, жить не хуже других, желание честно прожить жизнь.

Доминирует материальный фактор, ни о каком переходе к «постматериальным ценностям» пока речи быть не может. Среди других доминант – семья, дети, ближний круг.

Показательна «сверхиндивидуализация» российского массового сознания, что во многом снижает потенциал активности граждан. Предрасположенность к самоорганизации в группах интересов крайне низка. Готовность к солидарным действиям, особенно в сфере политики, больше характерна для пассивно ориентированных групп.

Сложившиеся в России механизмы демократии не рассматриваются активно ориентированными гражданами в качестве возможных инструментов справедливого и правового решения своих проблем.

Оценка гражданами правового состояния государства и общества

И исследователи, и публицисты постоянно подчеркивают растущий «правовой нигилизм» в обществе. Но при более пристальном взгляде это представляется не вполне верным. При отмечающемся росте неуважения к нормам закона и их исполнению, право как таковое остается важной ценностью в общественном сознании. Так, согласно результатам одного исследования, подавляющее большинство (94,3%) во всех возрастных группах высказывается за модель правового государства для России. Право в предпочтениях граждан занимает третье место после совести и интересов семьи ([2], стр. 71).

А вот результаты совсем недавнего опроса, проведенного «Левада-Центром» в феврале 2004 г. (опрошено 1600 человек). В таблице представлено распределение ответов на вопрос: «Что такое, по вашему мнению, “демократия”?» (данные в процентах от числа опрошенных).

Свобода слова, печати, вероисповедания	44,1
Экономическое процветание страны	30,7
Выборность всех высших государственных руководителей	17,5
Возможность для каждого делать все, что он хочет	5,8
Подчинение меньшинства большинству	3,3
Гарантия прав меньшинств	6,3
Строгая законность	23,9
Порядок и стабильность	28,8
Анархия и безвластие	5,5
Пустая болтовня	11
Другое	0,6
Затрудняюсь ответить	6,9

Те ценности, которые связаны с Правом и законностью (выделены в таблице жирным шрифтом), отметили примерно 75% респондентов.

Показательны и результаты более раннего опроса, проведенного в 2001 г. для первичной оценки места Права в совсем иной системе предпочтений – структуре функциональных ценностей личности ([2], стр. 71). Согласно его результатам, право в предпочтениях граждан занимает третье место после совести и интересов семьи.

Что же касается «правового нигилизма», он связан прежде всего с ощущением невозможности добиться успеха при соблюдении норм закона, ощущением неправового характера общества. Оценки гражданами современных правовых реалий совершенно отчетливы. Опрошенные [2] очень низко оценивают роль Права в повседневной жизни общества (по всем группам, независимо от уровня образования):

47,3% – В стране жизнь общества имеет мало отношения к праву, люди живут по своим правилам.

39,8% – В стране право регулирует жизнь людей лишь отчасти.

5,8% – В стране право регулирует практически все стороны жизни людей.

6,6% – Затрудняюсь ответить.

Подобные установки у большинства сегодня вербализованы следующим «условным» образом: если представители власти будут соблюдать законы, то этому примеру последуют и граждане (50,2%). Причем процент «конвенционалистов» несущественно отличается по возрастным группам. Но и при всем том установки на соблюдение закона достаточно высоки: 67,0% респондентов считают, что они «законы соблюдают в целом». И при этом абсолютное большинство опрошенных в 2001 г. россиян (65,9%) полагали, что живут в неправоном государстве [2].

По данным опросов [4], при оценке характеристик правопорядка в России эксперты отмечают усиление пресловутой «диктатуры закона», а население – рост административного произвола.

Варианты ответов	Население (%)		Эксперты (%) 2003
	2002	2003	
Утверждается «диктатура закона»	8,7	13,6	31,0
Усиливается административный произвол чиновников	30,2	40,9	21,0
Царит анархия	24,5	20,1	22,5
Другое	–	3,1	7,5
Затрудняюсь ответить	18,5	22,3	18,0

При этом, как можно судить по многим косвенным признакам, те, кто говорят о «диктатуре закона», и те, кто говорят об «административном произволе», часто имеют в виду одни и те же проявления.

В этих условиях «Право», которое воспринимается как ценность, и «право» как нормы, регулирующие повседневную жизнь, воспринимаются как совершенно разные сущности. И если понятие «Право» не вписано специально в контекст

высших ценностей, как было в цитирувавшемся выше опросе, а помещается в контекст повседневной жизни, — оно ассоциируется в первую очередь с внешним принуждением, с угрозами наказания.

Существенная рассогласованность общественного сознания в том, что касается отношения к праву и правовому государству («Право как ценность» и как «соблюдение закона») отчетливо видна из результатов цитированного выше исследования [2]. Они показывают, что в массовом сознании (для всех возрастов и социальных групп) утвердились три критерия правового государства:

- соблюдение законов всеми, в том числе и властью 60,3%
- независимость судов 10,1%
- соблюдение основных прав и свобод граждан 9,4%.

Очевидно, что связь между «соблюдением законов» и «соблюдением прав и свобод» в сознании граждан, скорее, отрицательная. Правда, не все опросы дают столь шокирующие цифры (еще одно подтверждение важности контекста, в который помещено то или иное понятие). Так, по данным исследования [3], важность равенства всех граждан перед законом считали важным 53,9% (1998 г.) и 74,7% (2003 г.), а независимость судов — 41,7% (1998 г.) и 41,4% (2003 г.).

Как и можно было ожидать, гарантии защиты прав и свобод граждан от нарушения их государством больше других ценит гуманитарная интеллигенция и студенчество.

Право и права. Отношение к правам человека и основным свободам

Теперь рассмотрим, как выглядят ценностные предпочтения граждан «внутри» массива различных прав и свобод. У нас есть возможность сравнить итоги опросов на разных временных отрезках: например, данные ВЦИОМа 1994 г. и «Левада-Центра» в октябре 2004 г., а также последних двух лет, которые демонстрируют некоторые тенденции, хотя и относятся к несколько разным постановкам вопросов.

На вопрос, какие из прав человека наиболее важны, были получены такие ответы:

Варианты ответов (в %)	ВЦИОМ	Левада-Центр
	1994 г.	2004 г.
Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, обеспечение в старости и при болезни	64	74
Право на гарантированный государством прожиточный минимум	33	41
Право на жизнь	63	54
Право на неприкосновенность личной жизни	55	45

Год назад опрос «Левада-Центра» дал следующие ответы на тот же вопрос, поставленный перед респондентами в октябре 2003 г. (опрошено 1600 человек):

Какие из следующих прав человека, по Вашему мнению, наиболее важны?

Право на жизнь	49,7
Свобода слова	19
Право владеть собственностью	28,2
Неприкосновенность личной жизни, жилища	44,9
Право уехать в другую страну и вернуться	10,6
Свобода вероисповедания	11,6
Право на получение информации	14,5
Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	48,9
Право избирать своих представителей в органы власти	9,6
Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни	66
Право на гарантированный государством «прожиточный минимум»	38,1
Затрудняюсь ответить	2,5

Интересно сопоставить эти результаты с полученными при несколько иной постановке вопроса, которые отвечают опросу, проведенному той же социологической службой за два года до этого – в марте 2002 г. (опрошено 2400 человек).

Как вы считаете, какие права и свободы обязательно должны предоставляться гражданам, без которых и речи быть не может о гражданском обществе?

Личная свобода каждого человека	69,1
Неприкосновенность частной жизни	61,3
Право на выражение собственного мнения	43,8
Неприкосновенность собственности	51,3
Свобода вероисповедания	29,6
Уважение к мнению других людей	33,9
Право на информацию	23,6
Право на свободное передвижение по стране, без ограничений на регистрацию (прописку)	30,4
Отсутствие преследования граждан по национальному признаку	17,1
Право на создание самостоятельных обществ, союзов, объединений, представляющих и отстаивающих права своих членов	4,2
Другие права и свободы	0,6
Не знаю, не задумывался об этом	7,9
Затрудняюсь ответить	6

*Какое из следующих девяти прав человека
вы считаете по важности...?*

Варианты ответов (в %)	ПЕРВЫМ		ВТОРЫМ		ТРЕТЬИМ	
	Выборка	%	Выборка	%	Выборка	%
«Право на достойный уровень жизни; на социальные блага, необходимые для поддержания здоровья и благополучия; на социальное обеспечение в случаях утраты трудоспособности, потери работы, достижения пенсионного возраста и др.»	1362	45,4	613	20,4	341	11,4
«Право на свободный выбор места работы, на удовлетворительные условия труда и защиту от безработицы»	480	16,0	741	24,7	437	14,6
«Никого нельзя задерживать и держать под арестом, если для этого нет законных оснований»	462	15,4	270	9,0	386	12,9
«Никого нельзя подвергать пыткам; жестокому или унижающему его достоинство обращению или наказанию»	202	6,7	428	14,3	353	11,8
«Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех видах»	198	6,6	312	10,4	591	19,7
«Право владеть имуществом; никто не должен быть лишен своего имущества без решения суда»	101	3,4	271	9,0	447	14,9
«Право иметь и свободно выражать свои убеждения; искать, получать и распространять информацию любыми законными средствами»	74	2,5	166	5,5	140	4,7
«Право свободно исповедовать выбранную религию или свои религиозные убеждения как единолично, так и сообщая с другими; исполнять религиозные обряды и ритуалы»	70	2,3	120	4,0	124	4,1
Затрудняется ответить	46	1,5	58	1,9	107	3,6
«Право на создание союзов и объединений, не призывающих к насилию, и свободное участие в их деятельности»	8	0,3	21	0,7	76	2,5
Всего	3003	100	3000	100	3002	100

Итак, опросы Центра Юрия Левады в 2000-е гг. устойчиво свидетельствуют, что за последние 10 лет россияне стали больше ценить социальные гарантии и относительно меньше – гражданские и «личностные» права.

Более детальные результаты опроса ВЦИОМ подтверждают заметную приоритетность социальных прав по сравнению с любыми другими. Слева приведены ответы на вопросы о ранжировании различных прав человека, заданные при опросе ВЦИОМ в 2002 г. жителям Рязани, Ростова Перми и др. городов.

Нарушаемость прав и свобод человека в России (2002 г.)

Что касается собственно нарушений прав и свобод граждан, то в опросах, по крайней мере до последнего года (см. [4]), лидировали право на безопасность и защиту личности и, с небольшим отставанием, право на труд, после которых с заметным отрывом шли право на личную собственность и равенство перед законом.

ПРАВА И СВОБОДЫ	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивность их защиты		Успешность их защиты	
	Рн*	Сн*	Ри*	Ки*	Ру*	Ку*
Право на безопасность и защиту личности	1	37,6	3	0,75	9	0,43
Право на труд	2	30,1	5	0,71	7	0,45
Право на личную собственность	3	22,6	2	0,82	5	0,48
Равенство перед законом	4	22,2	1	0,99	11	0,27
Свобода слова	5	20,7	4	0,74	10	0,38
Право на образование	6	18	6	0,69	3	0,53
Свобода совести религиозные свободы	7	10,1	11	0,53	1	0,59
Право на тайну личной переписки и т.п.	8	9,3	9	0,61	8	0,44
Право на свой язык, культуру	9	8,8	10	0,6	2	0,55
Свобода объединений, союзов	10	7,3	8	0,62	4	0,5
Право на эмиграцию	11	4,6	7	0,67	6	0,5
Средние значения		17,4		0,7		0,46

Обозначения:

Рн – ранг нарушаемости прав и свобод;

Сн – степень нарушаемости прав и свобод в %;

Ри – ранг интенсивности;

Ки – коэффициент интенсивности защиты прав и свобод;

Ру – ранг успешности защиты прав и свобод;

Ку – коэффициент успешности защиты прав и свобод.

Сходные результаты дал и опрос, выполненный летом 2003 г. сотрудниками Института сравнительных социальных исследований, Института государства и права РАН и регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (ИНДЕМ) в рамках исследования форм и методов политического участия и социальной самоорганизации населения России. По данным опроса, 41% населения сталкивались с ущемлением их прав. При этом, по оценкам самих респондентов, первое место по важности и распространенности занимают нарушения социально-экономических прав, второе – нарушения трудовых прав. Третье – личных прав. С нарушениями остальных своих прав: на благоприятную окружающую среду, избирательных и иных политических прав, на охрану здоровья и медицинскую помощь, на информацию и другие права – граждане, по их мнению, сталкиваются гораздо реже. Правда, сами авторы исследования подходят к полученным данным критически, но сами предпочтения сомнений не вызывают. Или, по крайней мере, категории, в которых эти предпочтения осмысливаются и вербализуются.

Правовое поведение и знание законов: ожидания и предпочтения граждан

Напомним, что, согласно [2], целевые установки граждан на соблюдение закона достаточно высоки: «законы соблюдают в целом» 67,0%.

Но не вполне благоприятные условия реализации правовых отношений приводят к тому, что суд, как способ решения правовых споров, выбирают чуть больше половины граждан (54,9%); 12,9% обращаются к сильным и влиятельным людям, 9,8% – в органы центральной или местной исполнительной власти [2].

Непринципиально отличаюся данные по способам решения правовых споров и у других исследователей:

Вот мнения респондентов о том, куда они готовы скорее всего обратиться при нарушении их прав (в % от числа опрошенных) [4]:

Варианты ответов	Население		Динамика	Эксперты 2003
	2002	2003		
В суд	32,1	41,8	+	58,2
В милицию	34,3	16,1	□	9,5
В органы исполнительной власти	16,2	16,1	□	34,0
В прокуратуру	16,1	15,7	□	26,5
В СМИ	8,9	11,7	+	11,5
К депутату, в законодательные органы	9,1	8,5	□	12,0
К хозяйственным руководителям	4,9	3,6	□	2,0
В профсоюз	3,4	3,3	□	2,5
Еще куда-нибудь	6,8	5,2	□	5,0
Некуда обращаться	15,2	18,7	+	9,5
Затрудняюсь ответить	11,5	10,3	□	6,0

Достаточно содержательны результаты опросов по долям представителей различных социальных групп, а также жителей различных регионов, считающих, что имеются неправовые пути решения личных проблем [2]. По возрастной категории – корреляция четкая: чем моложе респонденты, тем неправового предпочтения больше, а по социальным группам лидируют предприниматели. Географическая зависимость такова: лидируют Санкт-Петербург (72,7%), далее – Северный Кавказ (70,4%).

Отметим большую разницу между желающими решить проблему правовым путем (81,8%) и уверенными в том, что ее действительно можно решить таким образом (лишь 45,2%), причем среди всех возрастных и социальных групп. Это свидетельство серьезного противоречия между имеющейся правовой культурой граждан и состоянием правового поля России.

Проведенные опросы показали, что хотя не менее 80% граждан в целом склонны решать проблемы правовым путем, 60,7% – составляют потенциальную базу неправовых форм решения личных проблем (взятки, блат, силовые методы, др.) – снова та самая внутренняя конфликтность и «контекстуальная зависимость» сознания которая заставляет с осторожностью относиться к количественным результатам опросов. Особенно велика доля тех, кто намерен обращаться к неправовым путям, среди молодежи (до 25 лет – 22,5%).

Правовая информированность

Опросы отмечают высокую потребность в знании законодательства – 61% от общего числа опрошенных [2]. Она довольно сильно варьируется по различным группам законов (гражданское, трудовое, жилищное право, закон о социальной защите населения, проч.) в зависимости от возрастной и профессиональной принадлежности, что естественно.

Ежегодно с правовой информацией знакомятся 33,3% граждан (48,3% – в группе до 25 лет, и 20,4% в группе старше 60 лет). Наиболее востребованы тексты нормативных актов, относящиеся к таким сферам как: трудовое право – 7,0%, пенсионное законодательство – 5,2%, жилищное право – 5,1%, налоговое законодательство – 4,6%.

Основные ситуации, в которых потребовалось знание закона:

24% – трудовые конфликты;

32% – имущественные споры;

8% – вопросы приватизации;

16% – вопросы пенсионного обеспечения;

5% – купля-продажа жилья;

17% – налоговые и административные взаимоотношения.

Самооценка правовой информированности граждан достаточно низка:

52,3% – информированы слабо, хотя в правовой информации нуждаются;

27,4% – считаю себя в целом информированным, но не очень высоко;

13,5% – не информированы и не нуждаются в правовой информации;

3,1% – по своим потребностям информированы;

3,7% – затрудняюсь ответить.

Причем положительная динамика за 3 – 5 лет уровня самооценки правовых знаний наблюдается только у молодого поколения.

Обширное комплексное исследование было выполнено объединенными усилиями Центра «Демос», «Мемориала» и зарубежных социологов (Теодор Гербер, Сара Е. Мендельсон). Оно включало получение количественных данных (серия вопросов, включенных в мониторинг ВЦИОМ в период с 17 сентября по 9 октября 2001 г. Данные также свидетельствуют, что общественное мнение о правах человека весьма неоднородно. Граждане России воспринимают права человека в трех категориях: экономические права (например, право на труд, на владение собственностью, на социальное обеспечение), права личности (например, право на защиту от пыток и от незаконного ареста) и гражданские свободы (например, свобода совести, собраний, свобода слова). Экономические права пользуются наибольшей поддержкой, гражданские свободы – наименьшей, а права личности занимают промежуточное положение. Из списка двадцати проблем, предложенных респондентам, наименьшую озабоченность вызывает «ограничение гражданских прав и демократических свобод (свободы слова и прессы)». Опасность ограничения этих прав в списке 5–6 важнейших проблем отметили лишь 1% респондентов. Интересно, что либеральное, «постсоветское» право на частную собственность попало в ту же категорию и пользовалось такой же поддержкой, что и права на достойный труд и на минимальный уровень жизни, которые традиционно ассоциируются с советской идеологией. Респонденты не признают различий между советской и постсоветской идеологиями, которые считаются столь важными среди социологов и политологов.

Более чем четыре пятых всего общества считают, что государство вправе ограничить права человека ради достижения какой-либо цели или в ответ на возникновение особой угрозы общественному благополучию. Три четверти опрошенных считают, что, когда речь заходит об общественном порядке и безопасности, например, о борьбе с преступностью, с терроризмом и/или коррупцией, нарушения прав человека оправданы. Одна треть (34%) отстаивают возможность ограничения прав ради улучшения экономического положения или для преодоления экономического кризиса. Более четверти (28%) уверены, что необходимость усиления внутри- или внешнеполитической власти государства может быть принята в качестве законной причины для того, чтобы жертвовать правами человека. Ответы на ряд вопросов позволяют сделать вывод, что жители России считают взаимоисключающими понятия прав человека и борьбы с преступностью, терроризмом, коррупцией и мафией, хотя сочетание защиты прав человека и улучшения экономической ситуации выглядит для них не столь уж противоречивым.

Данные дают серьезные основания полагать, что приверженность принципам защиты прав человека заметно слабее в тех случаях, когда людям приходится выбирать между ними и решением конкретных проблем, чем в ситуациях, когда разговор ведется исключительно в отвлеченно-абстрактных категориях. В частности, поддержка гражданских свобод оказалась особенно незначительной, когда вопрос носил конкретный характер, а не форму абстрактной идеи: если бы граждане России были столь же сильно привержены идеалам гражданских свобод так, как это следует из их ответов на общие вопросы о свободе слова, совести и собраний, то обнаружился бы значительно более высокий уровень озабоченности состоянием дел в этой области, нежели тот, что зафиксирован материалами опросов.

Не оправдываются надежды на то, что молодежь и лица с более высоким образованием окажутся более приверженными ценностям прав человека: оказывают наиболее активную поддержку гражданским свободам демонстрируют не те, кому меньше тридцати, а 50–59-летние. Слабое влияние демографических факторов противоречит здравому смыслу и дает мало оснований для оптимистических предположений, что новое поколение и высокообразованные его представители будут активно защищать гражданские свободы. Чтобы выявить причины этого явления, необходимо проводить углубленные исследования проблемы.

В рамках проекта изучалось не только отношение к правам человека как таковым, но и доверие к конкретным организациям. Между прочим, в отличие от многих других исследований, оно выявило достаточно высокий уровень доверия населения к правозащитным организациям – гораздо больший, чем, например, к политическим партиям. На основании проведенных замеров в 6 регионах были определены группы, обнаружившие достаточно большой уровень доверия к правозащитным организациям и мотивированный интерес к определенным конкретным правозащитным темам: военная реформа, война в Чечне и ряд других. В трех регионах проводились фокус-группы с представителями этих групп. Результаты послужили базой для организации PR-кампаний, ориентированных именно на эти целевые группы, и постоянного тестирования и мониторинга эффективности подготавливаемых в рамках кампании инструментов применительно к выбранной целевой аудитории. Результаты позволяют сделать вывод, что PR-технологии вполне применимы в правозащитной деятельности, однако, как и любые инструменты, они не будут работать, если применяются без глубокого изучения соответствующих целевых аудиторий, приспособления к их конкретным запросам и особенностям и постоянного тестирования и мониторинга эффективности.

Попытку хоть как-то объяснить отмеченную рассогласованность сознания и «истолковать сомнения в пользу подсудимого» – в данном случае, в пользу идеи прав человека – предприняли авторы исследования форм и методов политического участия и социальной самоорганизации населения. На основании своих опросов они пришли к выводу, что в сознании подавляющего большинства россиян интересы и права слиты или, по меньшей мере, слабо дифференцированы. На оценки уровня соблюдения или несоблюдения прав человека влияет не столько собственный опыт респондентов или даже значимость для них лично того или иного из прав человека, сколько представление о реализации их собственных синкретических интересов-прав и приоритетности того или иного из них. Немалую роль в такого рода оценках играет и освещение состояния с соблюдением этих прав в СМИ.

Реально же нарушения прав человека занимают довольно значимое место среди тех проблем, которые могли бы побудить респондентов принять участие в коллективных действиях. И на первом месте, как ни парадоксально, стоит проблема нарушения личных и гражданских прав. Население на самом деле довольно остро воспринимает эти нарушения – но главным образом как злоупотребления и несправедливости со стороны чиновников, милиции, различных «начальников и хозяев». Возможность решить эти проблемы могла бы, по данным исследований, побудить к участию в социально-политических акциях 14% населения. На втором – проблема нарушения социально-экономических прав, ко-

торая стимулировала бы участие 9% населения. Третье и четвертое места разделяют проблемы прав женщин – она побудила бы к участию 4% населения, и национальных меньшинств – 3% населения. Проблемы защиты остальных видов прав заметно слабее стимулируют социально-политическую активность российских граждан.

Таким образом, результаты данного исследования не подтверждают гипотезу о маргинализации идеи прав человека в российском обществе: скорее можно говорить о неотрефлексированности представлений о правах человека и об искажении картины соблюдения и нарушения отдельных видов прав в сознании подавляющего большинства россиян, а также об отчуждении россиян от правозащитного сообщества и правозащитных организаций, неверии в то, что эти организации в состоянии помочь в защититить, отстоять наиболее важные для них интересы-права. Необходимо восстановить доверие населения к правозащитному сообществу, в том числе и путем энергичной защиты не только узников совести, борцов за права и свободы, жертв произвола властей и силовых структур, но и страдающих от социально-экономических притеснений.

Цитированная литература

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003 – 448 с. По результатам проекта «Томская инициатива», проведенного в 2001 г.
2. Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб: Алетейя, 2002. – 447 с.
3. Горшков М.К., Петухов В.В. Перспектива демократии в России: угрозы реальные и мнимые // Социс. 2004. № 8.
4. Митрошенков О.А. Отношение населения и госслужащих к существующему правопорядку // Социс. № 5, 2004.
5. Ленин Н.И. Как чувствуют себя и к чему стремятся граждане России // Социс. 2004. № 6.